

1892. | БЕСПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ „РОДИНЫ“. | № 5.

СИБИРСКІЕ ОЧЕРКИ.

А. НАКУЛОВСКАГО.

I.

Т ю м е н ь.

Тюмень—предверіе Сибири и одинъ изъ самыхъ невзрачныхъ городовъ въ свѣтѣ.

Тяжело, выпуская послѣднія пары, остановился паровозъ у платформы грандіознаго вокзала, единственнаго зданія въ городѣ, обращающаго на себя вниманіе, и я выскочилъ изъ душнаго вагона на волю.

День былъ жаркій, ясный. Гдѣ-то далеко сверкали въ воздухѣ кресты церквей и возвышалась каланча, выглядывавшая изъ-за зелени. Тамъ былъ городъ. Я невольно остановился на подьѣздѣ вокзала и оглянулся кругомъ. Впереди меня манила къ себѣ Азія. Здѣсь уже начиналась необъятная Сибирь — невѣдомая, таинственная, какъ Новый свѣтъ. Тамъ, позади, была Европа. Желѣзная дорога — точно послѣдняя связь съ ней кончалась въ Тюмени, и невольно ужъ захотѣлъ проститься съ ней, проститься съ знакомымъ, цивилизованнымъ міромъ. Мнѣ точно стало страшно. Куда я стремлюсь, зачѣмъ заѣхалъ я въ этотъ край! Ужъ не вернутся-ли?

— Эй, сударь, купецъ, свести, что-ли? вывелъ меня изъ размысленій вопросъ, очевидно, возницы.

Я никакъ не предполагалъ въ себѣ сходства съ кущомъ и хотѣлъ было

обидѣться, но грязный, въ неопредѣленнаго цвѣта кафтанъ, субъектъ — уже ухватился за мой чемоданъ и подушки.

— Куда-же ты отвезешь меня? спросилъ я, какъ-бы еще сопротивляясь.

— А вы, чай, изъ Россіи?

Я не понялъ и переспросилъ.

— Да, я изъ Петербурга...

— Изъ Россіи, значить... Надо, сударь, въ гостиницу везти...

— Въ гостиницу, только въ хороную... взмолился я, недоувѣряя виду возницы.

— Ладно, свеземъ! и вещи мои очутились уже въ рукахъ тюменскаго чичероне.

Сѣли и тронулись въ городъ. Къ экипажамъ, подобнымъ везшему меня теперь, я уже привыкъ въ другихъ городахъ. Они напоминаютъ тѣ линейки, на которыхъ лѣтомъ возятъ у насъ въ столицѣ придворныхъ пѣвчихъ и капельдинеровъ. Не скажу, чтобы «гитары» эти были вполне удобны; но сидѣть на нихъ все-таки есть возможность. «Чичероне» везъ меня неумолимо быстро. Мы подпрыгивали каждую секунду на ухабахъ или задѣвая за довольно солидныя камешки. Пришлось молчать, чтобы не прикусить языкъ и любоваться на окрестности. Сперва дорога шла по полю, затѣмъ начались какія-то избушки и на насъ повѣяло облаками пыли. Это мы въѣхали въ городъ. Напрасно я глядѣлъ впередъ, думая, что вотъ, вотъ, сейчасъ покажется приличная улица, приличные дома, — ихъ не было. Передо мной мелькали деревянные домики, въ одинъ или два этажа, кривые, почернѣвшіе, цѣркви съ золочеными крестами, но некрасивой архитектуры — и все это было подернуто, словно туманомъ: — такова тюменская пыль.

Глаза мои заслезились и отказывались глядѣть. Я началъ уже помышлять о смерти, думая, что сейчасъ задохнусь отъ этой пыли, но рокъ спасился надо мной и мы вдругъ остановились у какихъ-то воротъ.

Я очнулся уже въ номерѣ. Обтеревъ глаза и лицо, я могъ снова различать предметы. Комната мнѣ понравилась. Небольшая, но чистая, окнами выходившая въ садъ, за которымъ виднѣлась церковь. Убранная просто, но опрятно она располагала къ себѣ. Я мысленно поблагодарилъ уже уѣхавшаго «возницу» и почувствовалъ къ нему даже искреннюю симпатію. Въ это время внесъ мои вещи здоровый верзила, ласково оглядѣвшій меня. Пришлось заняться умываньемъ, переодеваньемъ и распаковкой вещей. Верзила прислуживалъ очень охотно; по акценту его я заключилъ, что онъ не русскій. Полюбопытствовалъ и объ этомъ...

— «Имѣете», пань, я изъ Польши. За повстаніе нахожусь здѣсь... отвѣчалъ онъ.

Первый селѣный, который встрѣтился мнѣ. Онъ былъ очень словоохотливъ и я черезъ четверть часа зналъ уже всю его біографію и біографію другого номернаго, который долженъ былъ мнѣ принести обѣдъ. Мой Петръ былъ невинно пострадавшій «шляхтичъ», какъ расшинулся онъ, но я ждалъ другого...

Онъ явился, хромал и неся миску съ супомъ. Глаза его пылливо смотрѣли изъ подъ очковъ а длинные волосы дѣлали его похожимъ на пономаря.

То былъ Николай Ивановичъ — коллежскій регистраторъ, тоже ссыльный, но русскій. Когда-то онъ имѣлъ деньги и имѣлъ «страсть» къ азартной, карточной игрѣ. Она довела его до фальшивыхъ векселей, мошенничества и Сибири, а потомъ, по отбѣгѣ срока наказанія, до службы номернымъ въ гостиницѣ, гдѣ теперь очутился я. Признаюсь, мнѣ было довольно неловко и стѣснительно обращаться къ этому, всетаки чиновному, лицу и я предпочиталъ звать Петра. Верзила-повстанецъ разболталъ мнѣ и о причинѣ хромоты Николая Ивановича. Бѣдный «коллежскій регистраторъ» сошелся здѣсь съ горничной, бойкой и продувной особой, и ревновалъ ее къ кухоннымъ ребятамъ. За то эти ребята разъ напоили его до безчувствія и выбросили въ окошко изъ второго этажа на дворъ. Какимъ образомъ онъ отдѣлался только вывихомъ ноги, мой Петръ заявилъ, что то «имѣетъ знать» одна святая Мадонна.

«Однако нравы! подумалъ я. — Совсѣмъ испанскій темпераментъ у тюменскихъ ребятъ.»

Я прилежъ отдохнуть и занялся чтеніемъ газеты. Но тутъ явилась «героиня» описанной расправы, дѣлать постель. Она была недурна и очевидно привыкла ко вниманію со стороны постояльцевъ гостиницы.

— Вы, баринъ, на службу сюда? спросила она.

— Нѣтъ, я сосланъ! пошутилъ я, сохраняя серьезный видъ.

— Сосланы, а за что?

— Жену убилъ изъ ревности!..

— Охъ, какъ страшно! взвизгнула она.

— Ты что-же господамъ покоя не даешь! раздался въ дверяхъ строгій голосъ Николая Ивановича и затѣмъ появилась вся его странная фигура.

Героиня выпорхнула, а Николай Ивановичъ, хромая, побрелъ за ней.

«Нимфа и Вакхъ!» подумалъ я и засмѣялся.

Я отложилъ газету... И такъ я въ Тюмени, познакомился уже съ первыми сибирскими ссыльными, теперь, осмотрѣвъ городъ, впередъ, въ таинственную пустыню, смѣло и безъ оглядки.

Дневной жаръ уже прошелъ. Вѣяло легкой прохладой первыхъ августовскихъ вечеровъ. Солнце садилось и съ запада набѣгали на землю вечернія тѣни. Я вышелъ на улицу — пройтись и посмотреть городъ. Пыль тоже улеглась и теперь можно было дышать и глядѣть кругомъ. Я шелъ главною улицей. Идти надо было осторожно, такъ какъ деревянные мостки, замѣнявшіе тротуаръ, прыгали подъ ногами или зіяли такими провалами, что жизнь зазѣвавашагося пѣшехода висѣла на волоскѣ. Около этихъ мостковъ ни одного фонаря; что бываетъ здѣсь въ темное время, не понимаю, впрочемъ, тюменцы не понимали потомъ меня, зачѣмъ ночью свѣтъ на улицахъ, когда ночь — время сна, а не прогулокъ. Порой меня обгоняли экипажи — гитары и кабриолеты, запряженные «рысаками», которыхъ замѣтили-бы и на нашихъ бѣгахъ. Это каталось купечество. Я шелъ, читая вывѣски малазиновъ, все больше польскія и еврейскія фамиліи. Пройдя нѣсколько кварталовъ, я попалъ на базаръ или въ гостинный дворъ, какъ говорятъ у насъ. Здѣсь еще шла торговля. Невольно взоръ обратилъ вниманіе на изобиліе ковровъ. Я обратился къ торговцу и узналъ, что это главное

мѣстное производство. Ковры — тканые, вязанные, шитые изъ пестрыхъ доскутковъ — гордость и слава Тюмени, и, право, они очень красивы и недороги. Квадратный коверъ въ восемь аршинъ — здѣсь стоитъ десять рублей, а коврамъ этимъ вѣка нѣтъ.

Съ базарной площади отрывался видъ на рѣку Туру и противоположный ей берегъ, называемый «Затюменкой». Видъ этотъ живописенъ. Я смотрѣлъ точно съ горы на равнину (берегъ Затюменки очень низокъ). Отсюда домики и церкви Затюменки казались красивыми, а тамъ дальше зеленѣли луга и среди нихъ тонкой лентой вилась рѣка Тура. Съ площади къ рѣкѣ шелъ крутой обрывъ, а внизу его былъ перекинутъ на другой берегъ деревянный мостъ, почти касавшійся воды. На мосту тѣнились телѣги и «гитары», слышался звонъ колокольчиковъ «кбитки» — звонъ почтовыхъ, здѣсь не замолчавшій еще передъ гордымъ свисткомъ паровоза.

Темнѣло все больше. Я повернулъ обратно и пошелъ другой дорогой. На этой улицѣ были тротуары еще хуже. Замѣтилъ домикъ, гдѣ ютилась почта и телеграфъ, соннаго стражника, охранявшаго ворота исправничьяго дома, каменный домъ женской прогимназіи и наткнулся на стадо коровъ, возвращавшееся съ поля. Почтительно давъ ему дорогу, свернулъ въ переулокъ и очутился на площади, гдѣ была извощичья биржа. Посреди нея уныло стоялъ не дѣйствовавшій и развалившійся фонтанъ. Это царская площадь, какъ гласила надпись на заборѣ. Встрѣтилось нѣсколько подозрительныхъ фигуръ, бродившихъ около ветхаго домика съ открытыми гостеприимно дверями и тусклымъ фонаремъ. Мнѣ стало жутко и я, кликнувъ возницу, поѣхалъ въ гостиницу, которая оказалась сейчасъ-же за угломъ.

Теперь меня ожидало знакомство съ самимъ ея хозяиномъ Чеховичемъ, тоже ссыльнымъ за «повстаніе», какъ и служившій у него верзила-Петръ. Я ужиналъ, когда ко мнѣ вошелъ благообразный, крѣпкій старикъ. Онъ извинился за причиняемое безпокойство и объяснилъ его любопытствомъ поговорить со столичнымъ жителемъ и узнать, зачѣмъ я пожаловалъ въ Тюмень. Я успокоилъ его, сказавъ, что пожаловалъ тоже изъ любопытства, а не по службѣ и что радъ буду поговорить съ нимъ. Отъ Чеховича я узналъ, что Тюмень, не смотря на свой непривлекательный, деревенскій видъ — одинъ изъ весьма богатыхъ городовъ. Въ любимъ домикѣ, грозящемъ развалиться на дняхъ — живутъ люди, обладающіе сотнями тысячъ. Это все купцы, по большей части, старовѣры, живутъ они тихо, замкнутой жизнью, чуждаясь развлеченій, общества и удобствъ. Развѣ прорвется иногда молодой купчикъ, заѣдетъ въ гостиницу и махнетъ въ вечеръ рублей четыреста, пятьсотъ съ арестками, содержимыми на всякій случай паномъ Чеховичемъ. Узналъ, что есть въ Тюмени клубъ, гдѣ порой даютъ спектакли заѣзжіе актеры, пѣвицы и фокусники, но что тюменская публика равнодушна и къ драмѣ, и къ пѣнію и привержена только къ «чертямъ». Клубъ посѣщаютъ болѣе чиновники, учителя и «ссыльные», которыхъ много и которые стремятся просвѣтить спящую Тюмень по части вина, стуколки и игръ болѣе оживленныхъ. Узналъ, что одинъ купецъ, строившій прежде церкви, съѣздилъ въ Москву и вдругъ воспылалъ страстью къ

театру и строить большой каменный театр, который украсит скоро незавидныя зданія города.

Когда привѣтливый хозяинъ удалился, я невольно сталъ размышлять, что бы сдѣлалось со мной, если-бъ судьба надолго забросила меня въ эту спящую глушь. Мнѣ показалось, что исхода не было. Или сойти съ ума, или повѣситься, или спиться съ круга; — только и можно въ такомъ городѣ, гдѣ нѣтъ ни общественной, ни умственной жизни, а все сосредоточено на однихъ сундукахъ съ деньгами, снѣ и опять снѣ.

Я уже почти засыпалъ, когда надо мной склонилась фигура «коллежскаго регистратора».

— Вамъ ничего не потребуется? заискивающе проговорилъ онъ, — а то сейчасъ-же можно!

— Убирайтесь вонъ! со злобой крикнулъ я, разсердясь за нарушенный сонъ.

Николай Ивановичъ проворчалъ что-то и, хромая, удалился. Но веселое настроеніе духа снова овладѣло мной, когда я взглянулъ ему въ слѣдъ и вспомнилъ полетъ, совершенный имъ изъ окна на землю.

Наконецъ, я уснулъ — впервые въ Азіи — и проспалъ долго. Утро слѣдующаго дня я посвятилъ опять прогулкѣ по городу и дошелъ до пароходной пристани, гдѣ узналъ довольно неприятную новость. Вслѣдствіе мелководья, пароходы перестали отходить изъ Тюмени, и чтобы попасть на нихъ, надо проѣхать почтовыми 240 верстъ до деревни Іевлевой. Пароходныхъ обществъ въ Тюмени три: Курбатова, Игнатова и Корнилова. Пристани богаты и соединены вѣтвью съ желѣзной дорогой. Въ Тюмени же есть заводъ и верфь, гдѣ строятся пароходы и машины для всей Сибири.

Около пристани Игнатова находится деревянная казарма тюменской конвойной команды — это весь гарнизонъ на обширный округъ. Обѣдать я отправился въ клубъ изъ любопытства взглянуть на помѣщеніе и посѣтителей этого клуба. Но, увы! я обѣдалъ одинъ. Разговорился съ буфетчикомъ — большимъ театраломъ въ душѣ, пробовавшимъ счастье и въ антрепризѣ на Нижегородской ярмаркѣ какого-то хора пѣвиць, и узналъ отъ него о предстоящемъ завтра кудачномъ боѣ въ «Затиомнѣ». Ради этого невиданнаго и необыкновеннаго зрѣлища, я — рѣшилъ провести въ Тюмени еще день, и проскутать этотъ вечеръ въ обществѣ Петра и Николая Ивановича.

Кудачные бои устриваются въ Тюмени каждое воскресенье. Мѣстная администрація безсильна предпринять что-либо противъ этого опаснаго развлечения. На состязаніе выходитъ до тысячи человѣкъ, словно опьяняемыхъ удалью, и остановить эту толпу не въ состояніи горсть солдатъ и ничтожное число городскихъ стражниковъ. Каждый бой почти не обходится безъ убійства кого-либо изъ борцовъ, а объ увѣчьяхъ — и говорить нечего. Купцы съѣзжаются сюда и сами принимаютъ участіе въ свалкѣ или держатъ пари на одну изъ дерущихся сторонъ.

Съ чувствомъ смутнаго волненія отправился я на другой день на мѣсто боя. Два отзвука волновали меня. Одинъ — обиды и досады на толпу, находящую такое развлеченіе наиболѣе подходящимъ для воскреснаго дня,

другой — противоположный... Что-то родное было въ этомъ состязаніи, могучіе остатки старины, беззавѣтная русская удалъ чувствовалась въ этомъ избыткѣ силъ, которымъ надо было развернуться. Вспоминалась дѣсна о вущѣ Калашниковѣ, гдѣ такъ мастерски передана Лермонтовымъ эта когда-то обыкновенная забава нашихъ предковъ.

На ровномъ дугу за Турой стояли стѣной другъ противъ друга толпы народа. Ближе къ рѣкѣ — стояли русскіе, крестьяне, мастеровые, кушцы, дальше, на дугу, татары. Все пестрѣло праздничными костюмами, точно собрались сюда на огромное торжество. Въ сторонѣ группировались зрители и много собственныхъ экипажей. Обѣ толпы стояли неподвижно, пересмѣиваясь и подстрѣкая одна другую. Но вотъ выдвинулись впередъ мальчуганы и завязали трепку. Говоръ и смѣхъ стали слышны. Раздались восклицанья и среди зрителей: татарчата бойко тѣснили нашихъ къ ихъ взрослымъ рядамъ. Всколыхнулись эти ряды и бросились бѣжать татарскіе мальчуганы. Стѣной двинулась русская шеренга и стѣной встрѣтили ее татары. То здѣсь, то тамъ падаютъ борцы, но опять вскакиваютъ и наносятъ куда попало здоровенные удары другъ другу. Но татарамъ везетъ сегодня. Они потихоньку наступаютъ впередъ. Вдругъ изъ толпы зрителей выдѣляется старикъ уже, но богатый, по сложенію.

— Помози, Михайловъ! раздаются крики, и старикъ, засучивъ рукава, бросается въ свалку.

Къ стыду, я невольно залюбовался и увлекся зрѣлищемъ. — Михайловъ былъ знаменитый боець, но теперь онъ не всегда принималъ участіе въ состязаніи: годы уже сказывались въ немъ. Но ринулся онъ, и одинъ за другимъ летѣли татары. Наши одолѣли и далеко отгѣснили ихъ.

Я уѣхалъ тотчасъ, чтобы не видѣть теперь послѣдствій этой свалки. Кажется опять — это зрѣлище можетъ увлечь каждаго русскаго человѣка, какъ ни противно оно голосу ума, времени и цивилизаціи.

Возвратившись домой, я поручилъ Петру на завтра привести мнѣ почтовую тройку. Онъ повторилъ неизмѣнное: «имѣете» не коней, а чертей, и съ тѣмъ я успокоился.

Несомнѣнно, что Тюмень городъ будущаго. Въ торговомъ отношеніи онъ и теперь имѣетъ большое значеніе, какъ главный пунктъ транзита изъ Сибири въ Россію и обратно. Но его пора пройдетъ, когда проляжетъ черезъ забытую Сибирь желѣзная дорога и когда Уральская дорога соединится съ остальной нашей сѣтью. Тогда проснутся отъ своей спячки и кушцы, сломаютъ свои ветхіе дома, отстроятъ новые, вымостятъ улицы и только преданіе будетъ говорить, что въ Тюмени въ грязи захлебнулась упавшая извожичья лошадь (случилось осенью 89 года), заведутъ фонари на улицахъ и безопасные мостки, тогда и жизнь оживится... недаромъ здѣсь уже принялись строить театр, какого не имѣютъ много губернскихъ городовъ.

Но пока это — страна мрака, грязи и сна, и я отъ души благодарилъ судьбу, покидая Тюмень, что она не опредѣлила мнѣ прозаябать здѣсь съ Чеховичемъ, Николаемъ Ивановичемъ и Петромъ.

Отъ Тюмени до Иевлево́й.

Кто изъ русскихъ не любитъ быстрой ѣзды. Ѣзда въ Сибири бѣшеная, способная утратить сперва непривычнаго къ ней пассажира удобныхъ вагоновъ, гдѣ нѣтъ ничего подобнаго тому, съ чѣмъ приходится сживаться при ѣздѣ на почтовыхъ.

На почтовой станціи въ Тюмени, по случаю сильнаго разгона, не оказалось лошадей. Мой Петръ совѣтовалъ мнѣ взять «вольныхъ» и я отправился въ путь, предоставивъ себя на волю «дружковъ». «Вольными» называются въ Сибири ямщики, содержащіе почту отъ себя. Ѣзда съ ними и дешевле, и проще. Во первыхъ, вы не платите имъ по талону и за тарантасъ, что съ васъ берутъ «почтовые»; во вторыхъ, вы всегда найдете лошадей у дружковъ, тогда какъ на почтовой станціи иногда просиживаете сутки въ ожиданіи коней. Это объясняется тѣмъ, что дружки возятъ только проѣзжихъ, а почтовые прежде всего исполняютъ свою обязанность, отправляя почту, а уже свободныхъ отъ нея лошадей предоставляютъ проѣзжимъ. У каждаго вольнаго ямщика въ слѣдующей деревнѣ есть «дружокъ» — такой-же «вольный ямщикъ», къ которому обязательно онъ и везетъ васъ. Этотъ передаетъ своему «дружку» въ слѣдующей деревнѣ и такъ далѣе до тѣхъ поръ, пока вы не доѣдете до нужнаго вамъ пункта. «Дружки» бываютъ и богатые и бѣдные; но, обыкновенно, зажиточный ямщикъ и «дружка» имѣетъ зажиточнаго, потому важно въ самомъ началѣ путешествія попасть на хорошую «веревочку». Въ гостиницахъ, конечно, знаютъ лучшихъ ямщиковъ и рѣдко обманываютъ, чтобы не разсердить проѣзжаго. Поэтому я вполне довѣрился Петру и терпѣливо выжидалъ своей участи.

Было уже за полдень, когда къ крыльцу гостиницы подъѣхалъ тарантасъ, запряженный тройкой малорослыхъ, но крѣпкихъ и сытыхъ коней. Петръ, какъ перышко, вскинулъ на дно тарантаса довольно солидный чемоданъ, навалилъ сверху ковшу сѣна, уложилъ подушки и явился доложить мнѣ, что все готово. Я былъ тоже уже одѣтъ и, поблагодаривъ его за услуги, покинулъ номеръ и вышелъ на крыльцо. Я влѣзъ въ кибитку и легъ въ ней, точно на мягкой постели. Ощущеніе полнаго удобства, возможности дремать или полулежа предаваться созерцанію природы и воспоминаньямъ о родинѣ преисполнило меня удовольствія. Ямщикъ-татаринъ подобралъ возки, opravилъ шапку и оглянулся на меня.

— Трогай! промолвилъ я, отодвигая ногами дорожный погребокъ, поставленный подъ козлами и мѣшавшій мнѣ вытянуться во весь ростъ.

Ямщикъ дико гикнулъ, такъ что я вздрогнулъ отъ неожиданности, и лошади понесли.

Быстро промелькнула главная улица, базарная площадь. Татаринъ круто сдержалъ лошадей и мы шагомъ начали спускаться по обрыву. Проѣхавъ также тихо половину моста, онъ снова испустилъ рѣзкій протяжный крикъ и мы опять понесли. Меня начало потряхивать, не смотря на толстый

слонъ сна, бывшій подо мной, но заинтересованный этимъ новымъ для меня способомъ путешевствія, я даже эту легкую тряску нашелъ привлекательною. Еще мгновенье — и прощай Тюмень!.. Мы на свободѣ, въѣхали на проселочную дорогу. Дорога была песчаная, не особенно гладкая, но я уже почти не замѣчалъ тряски. Вокругъ меня далеко раскинулся свободный, привольный видъ и я невольно залюбовался. Выраво текла Тура, а за ней еще виднѣлись церкви Тюмени. Влѣво тянулись луга, а далеко впереди манилъ къ себѣ взоръ темный, высокій лѣсъ. — Необъятнымъ просторомъ, свободой и привольемъ повѣяло на меня отъ этой простой картины. Невольно я окинулъ взоромъ и свой экипажъ, и фигуру татарина, точно изваяніе, сидѣвшаго на козлахъ. Татаринъ былъ красивъ типичной восточной красотой. Смуглый, съ черными блестящими глазами, добродушной усмѣшкой и неправильными, монгольскими чертами лица — онъ показался мнѣ очень симпатичнымъ. Особенно хороша была его фигура, точно вылитая изъ стали, могучая и даже граціозная.

— Какъ тебя зовутъ? спросилъ я его.

— Ахметъ! лагонически отвѣтилъ онъ.

— Скажи, Ахметъ, вся дорога будетъ такая? завязалъ я разговоръ.

— Дальше лучше будетъ. Песка не будетъ.

— Ты здѣшній или изъ Казани?

— Нѣтъ, сибирскій...

— А хорошіе лошади у тебя! Только не гони такъ, устанутъ!

— Зачѣмъ устанутъ! Хоть до Іевлева довезутъ... Кони по всей Тюмени лучшіе...

Лошади дѣйствительно были хороши. Мы проѣхали уже шесть верстъ, а они несли все въ карьеръ, и Ахметъ ни разу не дотрагивался до кнута, иногда только издавалъ свой рѣзкій, гортанный крикъ.

Тура исчезла. Мы въѣхали въ лѣсъ. Ахметъ былъ правъ: грунтъ сдѣлался тверже. Впереди показались какія-то строенія. Я спросилъ его, не деревня ли это, и узналъ, что — лѣсопильный заводъ. Промелькнулъ онъ, а впереди показался минаретъ татарской мечети.

— Вотъ деревня... промолвилъ Ахметъ. — Наша деревня. Всю деревню два брата Енигеевы строили, тамъ всѣ дома, какъ одинъ, получше тюменскихъ дома...

— Кто это Енигеевы? спросилъ я.

— Татары... Богатые только, очень богатые.

Мы подъѣзжали къ околицѣ. Ахметъ остановилъ лошадей, слѣзъ съ козелъ и закурилъ папирску.

— Сколько верстъ сдѣлали? спросилъ я.

— Десять...

Я поглядѣлъ на часы. Прошло всего пятьдесятъ минутъ съ выѣзда изъ Тюмени, скоро проѣхали. Я закурилъ тоже и, почувствовавъ, что у меня разыгрывается аппетитъ, вылѣзъ изъ тарантаса, досталъ погребокъ и началъ распоряжаться.

— Ахметъ, хочешь выпить! налилъ я ему стаканчикъ.

Онъ выпилъ и поблагодарилъ.

— Закуси... предложилъ я ему хлѣбъ и ветчину.

Хлѣбъ онъ взялъ, а отъ ветчины отказался.

— Отчего? или запрещено вамъ.

Онъ кивнулъ головой.

— Да вѣдь и пить запрещено, а ты водку пьешь?

— Водка ямщику нужна — дѣло такое, а свинина не нужна... отвѣчалъ онъ и пошелъ отворять ворота околицы.

— Э-эхъ! взвизнулъ Ахметъ и мы опять понеслись.

Деревня дѣйствительно выглядѣла красивѣе Тюмени. Богачи-братья построили тутъ цѣлый городъ, изъ двухъ-этажныхъ и трехъ-этажныхъ деревянныхъ домовъ, красиво расписанныхъ и совершенно походившихъ одинъ на другой. Потому они продавали ихъ или сдавали въ аренду своимъ сородичамъ. Широкія улицы были разбиты правильно. Двѣ каменные мечети гордо возвышались своими бѣлыми минаретами. Я невольно припомнилъ о нашихъ русскихъ деревенькахъ. Ахметъ гикнулъ опять и даже поднялъ бичъ. Онъ очевидно хотѣлъ шикнуть передъ своими. Полузакрытыя фатами женскія личики кокетливо выглядывали у каждаго окна. Старики-татары сидѣли у воротъ и кланялись намъ, прикладывая руку ко лбу. Мальчишки бѣжали за тарантасомъ вмѣстѣ съ собаками, поднявшими громкій лай.

— Хорошо живутъ твои! замѣтилъ я Ахмету.

— Хорошо... улыбнулся онъ, — и женъ много имѣютъ...

— А у тебя много женъ...

— Двѣ всего... съ сокрушеніемъ отвѣтилъ Ахметъ.

Мы уже выѣзжали въ поле, когда на встрѣчу намъ попала татарка. Я запомнилъ ее. Черные глаза, точно звѣзды, сверкнули на меня. Улыбка, казалось, заиграла на ея пунцовыхъ губахъ и все смуглое, прелестное лицо освѣтилось какимъ-то смущеніемъ. Я поглядѣлъ ей вслѣдъ и она обернулась. Какъ шелъ къ ея фигурѣ, гибкой и граціозной, ея яркій восточный нарядъ. Фата была накинута у нея только на плечи и черные волосы волной выбивались изъ подъ бархатной тибетейки, расшитой золотыми полумѣсяцами. Каюсь опять, а въ восточныхъ женщинахъ больше поэзіи, чѣмъ въ другихъ. Вѣдь это тоже крестьянка и какъ она граціозна, женственна и мила. Опять сравниваю: наши неуклюжія, рѣзкія деревенскія красавицы.

А лошади все несутъ впередъ и мелькаютъ луга, деревья и снова луга.

— Далеко еще?.. спрашиваю Ахмета.

— Половину отъѣхали! отвѣчаетъ онъ.

— У тебя кто «дружокъ», тоже татаринъ?

— Нѣтъ, русскій! Тамъ русская деревня... Эхъ, спину ломить!

— Усталъ развѣ?

— Гдѣ усталъ! Дрался я вчера въ Тюмени... Михайловъ и побилъ...

Я понялъ, что онъ принималъ участіе въ кулачномъ бою. Узналъ, что одному мужику сломали руку, а другого замертво унесли, и неизвѣстно оправится-ли. Это омрачило воспоминаніе о видѣнной картинѣ. Впереди

послышался колокольчикъ. Проѣхалъ встрѣчный тарантасъ и ямщики обмѣнялись поклонами. Потомъ мы обогнали двѣ телѣги и опять показалась татарская деревня. Но эта была гораздо бѣднѣе и некрасивѣе, только мечеть и привлекала взоръ. Опять въ окнахъ фигуры татарокъ, яркія одѣжды и улыбки.

Наконецъ, еще восемь верстъ и мы пріѣхали на станцію. Ахметъ лихо въѣхалъ во дворъ, просторный и чистый, гдѣ я примѣтилъ еще двѣ повозки. Я вылѣзъ и поздоровался съ хозяиномъ, молодымъ еще мужикомъ, привѣтливо встрѣтившимъ меня.

— Коней надобно?.. спросилъ онъ.

— Да, надо...

— Сейчасъ запрягемъ!.. Пожалуйте, пока, въ горницу... Можетъ чайку попьете?..

Самоваръ соблазнилъ меня. Кстати я и радъ былъ немного отдохнуть, съ непривычки и 34 версты уже утомили меня. Я взялъ погребокъ и пошелъ за хозяиномъ...

— Вещи переложимъ. Все будетъ цѣло, не опасайтесь! успокоилъ онъ меня.

Я вошелъ въ свѣтлую, просторную горницу. На полу были растянута пестрый, тканый коверъ. У стѣнъ стояли чистыя лавки, столъ, два кованныхъ сундука и высокая семейная кровать, закрытая ситцевымъ пологомъ. Въ переднемъ углѣ висѣли образа, а другія стѣны были увѣшаны портретами царской фамиліи и лубочными картинками изъ послѣдней войны и священной исторіи. Были и жанровыя картинки съ безсмертными виршами лубочныхъ поэтовъ. Задній уголъ занимала огромная русская печь. Явилась хозяйка, молодая баба, находившаяся въ интересномъ положеніи, и, низко поклонившись, начала доставать съ полки подносъ, стаканы, ложки. Скоро поспѣлъ и самоваръ, внесла его босоногая, рябая дѣвка-работница. Я заварилъ чай и присѣлъ къ окну.

Мои хозяева были очевидно зажиточны. Но въслѣдствіи я увидѣлъ, что въ Сибири крестьяне вообще живутъ несравненно лучше и богаче, чѣмъ внутри Россіи. Они мало занимаются землей, которой у нихъ не мѣрено, а обогащаются извознымъ промысломъ. Въ Сибири не рѣдкость мужику имѣть до пятидесяти лошадей, столько-же коровъ и быковъ, сотню овецъ и барановъ. Бѣдятъ они отлично. Баранина, щи, мягкія шанги изъ ржаной муки, квасъ, молоко, яйца; всякая дичь — встрѣтится чуть не въ каждой избѣ. За то и дешевизна-же здѣсь. Дюжій коренникъ—пятнадцать рублей, мясо—60 коп. пудъ, масло, молоко — бери, не хочу; поросята — четвертакъ пара, и все въ этомъ родѣ.

Я уже пилъ чай, когда пришелъ хозяинъ и, сказавъ, что кони готовы, присѣлъ на лавку. Я налилъ ему. Онъ пилъ въ прикуску. Пришелъ и Ахметъ за чайными деньгами. Далъ ему и попрощался. Хозяйка уже приготовила ему угощеніе въ жилой горницѣ. У дружковъ — обычай угощать другъ друга. Меня пугали на желѣзной дорогѣ, что «дружки» дерутъ прогоны, какъ имъ вздумается. Это неправда. Изъ города они берутъ какъ почтовые, а дальше—дешевле, и какъ повезъ одинъ, по той

цѣнѣ везуть и всё. Прогонны-же здѣсь дешевые. Четыре съ половиной копейки съ тройки на версту. «Дружки» всё вѣжливы и радушны, но самолюбивы и упрямы. Главное правило—не ругаться съ ними, потому что могут не дать лошадей, а другіе ямщики везуть не охотно и придется вамъ послышать тогда за почтовыми.

— Вы, баринъ, куда бѣжите? спросилъ меня хозяинъ.

Я въ Тюмени уже узналъ, что «бѣжите» по сибирски — направляетесь.

— Къ Іевлеву на пароходъ, а потомъ въ Томскъ!

— Вы чьихъ будете—по торговой части, аль чиновникъ?..

— Итъ, я къ роднымъ на побывку! солгалъ я,

— Къ роднымъ! Они кто-жъ такіе?

— Тамъ живутъ... Землю имѣютъ...

— Такъ... А откуда сами?..

— Изъ Петербурга!

— Далеко ѣдете...

Мы помолчали. Я опять налилъ ему чаю.

— Какое урожай у васъ въ этомъ году? спросилъ я.

— Плохо... Засуха стояла. Весь хлѣбъ еще въ колосѣ сожгло.

— Это не хорошо...

— Знамо не хорошо! Божья воля, не наша. Опять овесъ плохъ... Вся надежда на гонъ, только имъ и прожить.

— А вотъ скоро желѣзную дорогу построить, чѣмъ-же вы тогда жить будете...

— Слышали и про это... Землей больше заниматься будемъ!..

— То-то, земля надежнѣе...

Хозяинъ засмѣялся. Я всталъ, отдалъ прогонны, положилъ хозяйкѣ за самоваръ и сталъ собираться.

— А какова дорога будетъ, хозяинъ?..

— Дорога ровная, боромъ пойдетъ!

— Ну, прощайте, счастливо оставаться!

— Вамъ доѣхать счастливо! провожали меня хозяинъ, хозяйка, Ахметъ и работница.

Новый ямщикъ былъ совсѣмъ еще мальчишка, лѣтъ 13-ти. Онъ не издавалъ такого дикаго крика, какъ Ахметъ, а все приговаривалъ — эхъ, вы, милыя! и больше дѣйствовалъ бичемъ, но ѣхалъ хорошо. Дорога оказалась дѣйствительно ровная и шла черезъ лѣсъ, почему казалась скучнѣе. Парнишка былъ не очень разговорчивъ, такъ что я радовался, припомнивъ, что этотъ перегонъ на 4 версты короче перваго. По пути попалась опять небольшая татарская деревня и рѣчка, черезъ которую лежалъ такой ветхій мостъ, что я думалъ уже принять неприятную ванну, но русское «авось» оказалось вѣрнымъ.

Мы засвѣтло еще пріѣхали на слѣдующую станцію. Тамъ была такая-же чистая горница и я соблазнился снова самоваромъ и закусилъ довольно плотно. Особенно понравилась мнѣ шанги. Тѣсто для нихъ ставится изъ ржаной муки и потомъ, дѣлая изъ него лепешки, обмазываютъ ихъ сметаной. Куда лучше издѣлій городскихъ булочныхъ!

Здѣсь хозяева были старики, жившіе нераздѣльно съ молодыми сыновьями, имѣвшими уже собственныя семьи.

Когда выѣзжалъ съ этой станціи — стемнѣло значительно. Я вспомнилъ рассказы о разбойникахъ и немного смущенно спросилъ хозяина, безо паса-ли дорога?

— У насъ тихо, отвѣчалъ онъ. — Про шалости ничего не слышно... Это тамъ дальше, по большому тракту, оно, вѣрно, и пошаливаютъ, а у насъ тихо.

Все таки я досталъ револьверъ и оглядѣлъ его, въ порядкѣ-ли заряды.

Опять ѣду. Теперь уже картина другая. Вечеръ былъ темный, ни луны, ни звѣздъ. Мрачныя тѣни точно кивали изъ лѣса — это ели, да сосны начали своими широкими вѣтвями. Обугленный пенъ казался человѣкомъ или звѣремъ, ставшимъ на заднія лапы. Я не трусъ, но ночью невольнo овладѣваетъ какое-то жуткое, напряженное состояніе. Лѣсъ, дѣйствительный сибирскій лѣсъ, черезъ который прорѣзалась узкая дорога, тишина кругомъ, мракъ, и несешься одинъ на бѣшеннoй тройкѣ все дальше въ боръ, въ глубь Сибири — этотъ притонъ каторги и ужасовъ для столичнаго жителя. Невольно рука сжимаетъ револьверъ и, ощущая его холодной курокъ, отраднѣе становится на душѣ, точно ты не одинъ, а съ другомъ, который не выдастъ въ лихой бѣдѣ.

Я удивляюсь ямщикамъ, какъ они хорошо видятъ ночью. Привычка и знаніе мѣстности едва-ли помогаютъ здѣсь. Нуженъ особый кошачій глазъ, чтобы не разбить тарантасъ въ ухабѣ, не слетѣть въ оврагъ и не поломать вообще себѣ шею при такой бѣшеннoй ѣздѣ. Вотъ, сейчасъ мы спустились въ котловину и опять вынеслись наверхъ, и все при полномъ карьерѣ. Меня только трянуло сильнѣй, а то я и не различалъ ни спуска, ни подъема.

Вдругъ лошади круто остановились, ямщикъ поднялся во весь ростъ и сталъ вглядываться въ мракъ.

«Вотъ оно гдѣ!» подумалъ я и тоже приподнялся.

— Что тамъ? спросилъ я.

— Не знаю... Вотъ я пореву! отвѣчалъ ямщикъ и сталъ «ревѣть» т. е. кричать.

Никто не откликнулся. «Засада»... мелькнуло у меня и я приготовился къ оборонѣ. Ямщикъ сошелъ съ козелъ и сталъ сторонкою пробираться впередъ. Я зажегъ восковую свѣчку и слѣдилъ за нимъ. Недалеко послышался звонъ бубенчиковъ. Я подумалъ, не хочеть-ли мой возница удрать въ лѣсъ, но почти тотчасъ слышалъ его голосъ. Онъ кого-то ругалъ и ругалъ крѣпко.

— Ты что спишь, лѣшій! Вишь дорогу загородилъ, пьяный чортъ... не преѣхалъ! Язвіи тебѣ, окаянный, вставай что-ль!

Въ отвѣтъ раздалось несвязное мычанье и опять мой ямщикъ разразился «язвіями», уже возвращаясь ко мнѣ.

— Ну, что?

— Ишь, чортъ ему въ брюхо! Пьяный ямщикъ — заснулъ, а лошади стали поперекъ дороги!

— Что-же онъ — одинъ?

— Вѣстимо, порожнемъ! Чтось его уязвило!.. и мы тронулись.

Я впервые слышалъ это ругательство. У сибиряковъ оно весьма въ ходу и гораздо оскорбительнѣе нашего родственнаго поминования. Послѣ этого приключенія, мы скоро прибыли на станцію.

Было уже около одиннадцати часовъ вечера. Отъ утомленія и тряски меня стало сильно клонить ко сну и два слѣдующихъ перегона я отлично проспалъ въ тарантасѣ. — Совсѣмъ свѣтало, когда я проснулся отъ сильныхъ толчковъ. Дорога стала несравненно хуже, ямины сплошь наполняли ее, а гдѣ ихъ не было, лежали какія-то сучья, по которымъ трясло еще болѣе. По счастью, мы подъѣзжали къ послѣдней станціи.

Въ девятомъ часу утра я увидѣлъ опять Туру. Но здѣсь она была гораздо шире. Наконецъ, показались трубы и мачты пароходовъ и баржъ и домики Іевлевой, расположившіеся по другую сторону рѣки. На берегу были сложены товары, назначенные къ отправленію въ Тюмень и Сибирь, и виднѣлись шалаши, обтянутые рогожей. Пристаней здѣсь не было. Усталыя лошади тяжело тащили уже по глубокому песку и я выѣзъ изъ кибитки, чтобы поразмять утомленные члены. Еще минута — и повозка остановилась на краю берега, у котораго стоялъ большой, выкрашенный розовой краской, пароходъ. Я разглядѣлъ надпись на борту. Тамъ крупными буквами было написано: «Москва».

Матросы подбѣжали ко мнѣ, взяли вещи и я очутился на палубѣ «Москвы», которая вечеромъ отплавала въ Томскъ. Я спустился въ каюту, взялъ билетъ и, умывшись, крѣпко уснулъ на мягкомъ, покойномъ диванѣ.

(Продолженіе будетъ).

АЕОНЪ.

Очень интересныя свѣдѣнія объ Аеонѣ, приводятся въ путевыхъ замѣткахъ ученаго путешественника г. Брандта.

Аеонъ—цѣлый отдѣльный міръ монастырей и монашества. Общее число число аеонскихъ иноковъ опредѣляется въ десять тысячъ, столько же, сколько чернаго духовенства по всей Россіи, гдѣ по отчету оберъ-прокурора св. синода за 1886 годъ числится 6,870 собственно монаховъ и 3,400 послушниковъ, всего, слѣдовательно, съ небольшимъ десять тысячъ. По числу монашествующихъ у насъ первое мѣсто принадлежитъ московской епархіи, гдѣ 645 монаховъ, распределенныхъ на 28 монастырей. Между тѣмъ, въ одномъ Палестинскомъ (русскомъ) монастырѣ на Аеонѣ до тысячи человекъ братіи.

Главный и очень нелегкій трудъ на Аеонѣ — молитва. Нѣсколькими ударами въ колоколь въ глубокую полночь пантелеймоновская братія пробуждается на келейное правило, заключающееся въ поклонахъ земныхъ и пояеныхъ, совершаемыхъ въ различномъ числѣ, смотря по днямъ, а также

по степени иночества, причѣмъ для состоящихъ въ схимѣ полагается до 1,200 поясныхъ и 1000 земныхъ поклоновъ, къ коимъ слѣдуетъ присоеди- нить еще обязательные для всѣхъ безъ изыятія 100 поясныхъ поклоновъ собственно за благодѣтелей отбелы. Строгое и точное выполнение 1,400 поклоновъ, разматриваемое только съ чисто-физиологической стороны, пред- ставляетъ собою большой трудъ, въ особенности для престарѣлыхъ и хилыхъ, тѣмъ болѣе, что на него дается очень мало времени, ибо зимою уже въ часъ пополудни ударяють къ утрени. Послѣ утрени не дается отдыха, а тотчасъ начинается ранняя литургія; непосредственно же вслѣдъ за нею — и поздняя. Вечерня начинается за два часа до захожденія солнца, а отдѣльное повечеріе — при самомъ закатѣ. Въ обыкновенные дни мо- нахи проводятъ въ церкви часовъ до десяти, и именно: пятичасовую утреню, двухчасовую обѣдню, тоже двухчасовую вечерню и часовое по- вечеріе. Растягивается такъ служба потому, что псалмы и каноны поются безъ пропусковъ и въ службу вставляются поученія. Во время послѣднихъ братія и поклонники, впрочемъ, сидятъ либо въ формахъ, либо по турецки на полу. На дни воскресные и праздничные (господскіе, богородичные и великихъ святыхъ), сообразно аеонскому уставу, совершается всенощное бдѣніе, начинающееся около заката солнца и продолжающееся безъ расхода минимумъ 9, чаще 10 и 12 часовъ. На особенно выдающіеся праздники — оно длится до 14 часовъ; а если присоединить къ нему и непосредственно слѣдующую за бдѣніемъ процессію съ водосвятиемъ, то и цѣлыхъ 17 ча- совъ. При мнѣ, говоритъ г. Брандтъ, въ Пантелеймоновскомъ монастырѣ служба на Свѣтлое Воскресенье продолжалась съ вечера сѣмъ до полудня, когда, наконецъ, братія усѣлась разговляться въ общей трапезѣ. И по окончаніи трапезы монахи не были отпущены съ миромъ по кельямъ, а сначала торжественной процессіей должны были отправиться обратно въ соборъ для новаго, правда, краткаго молебствія.

На путешественника аеонская служба производитъ захватывающее, таинственное впечатлѣніе. Входя въ первую же ночь, въ ночь своего прїѣзда, въ главный монастырскій соборъ съ его полумракомъ, видя вокругъ себя вездѣ по стѣнамъ разставленныя рядами въ «формахъ» неподвижныя черныя фигуры съ опущенными наметками, я невольно вообразилъ себя въ тайномъ судилищѣ инквизиціи. Впечатлѣніе это исчезло лишь мало по малу, когда церковь освѣтилась и монахи стали воспѣвать наступающій праздникъ. Для религиозно-настроенныхъ вся эта обстановка съ ея кон- трастами легко можетъ вызывать предвкушеніе страшнаго суда, смѣняю- щееся картинами райскаго блаженства. Насколько наши аеонцы умѣютъ обставлять службы, это они выказали въ Свѣтлую ночь. Главная часть заутрени съ провозглашеніемъ «Христосъ Воскресе» происходитъ во дворѣ, передъ иллюминированнымъ и украшеннымъ большимъ транспарантомъ пор- тикомъ собора. Особенно великолѣпна была процессія съ горящими свѣ- чами по иллюминированному входу во второй этажъ корпуса, гдѣ помѣ- щается второй, новый монастырскій соборъ. Темнота ночи, глѣбне, колоколь- ный звонъ — все это составляетъ въ такой обстановкѣ нѣчто необычайно возвышающее душу.

Въ трудамъ духовнымъ присоединяются и труды ремесленные. Рѣдкій изъ монаховъ не приуроченъ къ какому либо изъ многочисленныхъ послушаній. Службы, келейное правило и послушанія поглощаютъ столько времени, что на сонъ монаху остается какихъ нибудь пять часовъ, не болѣе. Впрочемъ, исполненіе послушаній служитъ иногда уважительною причиною къ пропуску общественнаго богослуженія, которое въ самихъ мастеровыхъ замѣняется тогда болѣе краткимъ молебствіемъ передъ аналоемъ.

Въ общемъ нельзя не признать, что образъ жизни афонскаго монаха крайне трудный и изнурительный. Усугубляется его изнурительность—столь ясно впечатлѣнная на истомленныхъ лицахъ большинства иноковъ—скудостью питанія. По понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ, а также въ теченіе всего великаго поста, трапеза полагается только по одному разу въ день, а именно, около двухъ или трехъ часовъ пополудни; остальные четыре дня въ недѣлю монахи трапезничаютъ по два раза (въ 10 час. утра и передъ закатомъ солнца). Послѣ повечерія—обязательно полное воздержаніе не только отъ ѣды, но и отъ питья, какъ бы ни была томительна жажда въ непоимѣрные лѣтніе жары. Впрочемъ—инокъ, не устоявшій противъ соблазна напиться воды или чая, можетъ искупить свою слабость сравнительно легко—пятидесятью поклонами и молитвами. Рыба подается только по праздникамъ, и притомъ болѣею частью соленая, привозная изъ Россіи. Въ дни скромные дается еще сыръ; за то въ постные—допускаются лишь блюда растительнаго происхожденія: бобы, горохъ, тыква, огурцы, сырой салатъ и нѣкоторыя неизвѣстныя у насъ въ Россіи травы. Большимъ лакомствомъ считаются морскія головоногія животныя, осьминоги или спруты и каракатицы, или сепіи, возбуждающія въ большинствѣ непривычныхъ одно лишь отвращеніе, а также морскіе ежи. Спасительнымъ для организма подкрѣпляющимъ средствомъ является красное вино, по кувшинчику котораго отпускается на каждый приборъ. Русскимъ поглотникамъ вино это кажется съ непривычки роскошью. Впрочемъ, вино за братской трапезой дается далеко не всегда. Во время трапезы обязательно полное безмолвіе и все должны слушать поученіе, читаемое съ возвышенной каѳедры, по книгѣ, однимъ изъ монаховъ. «Мнѣ самому, — пишетъ г. Брандтъ, — пришлось участвовать въ братской трапезѣ всего только разъ, а именно, въ Свѣтлое Воскресенье, при особенно торжественной обстановкѣ. Процессіей со свѣчами братія двинулась изъ собора въ трапезу; во главѣ шествовалъ архимандритъ въ богатой фіолетовой атласной мантии съ большими образами въ галуновыхъ рамкахъ на плечахъ, съ игуменскимъ посохомъ въ рукѣ. Длинный шлейфъ его мантии несъ монахъ. Игумень расположился на предѣдательскомъ мѣстѣ, во главѣ стола; по сосѣдству съ нимъ сѣли въ іерархическомъ порядкѣ іеромонахи и почетные гости, а затѣмъ уже осталная братія, насколько хватило для нея мѣста. Угощеніе въ этотъ наиболѣе чтимый изъ всеѣхъ дней въ году состояло изъ заливной и жареной рыбы и ухи, приготовленной изъ свѣжей рыбы; далѣе, изъ яицъ, сыра, сладкой каши изъ пшеничныхъ зеренъ. Апельсины и кувшинчикъ вина дополняли угощеніе. Въ исходѣ трапезы прислуживающіе

монахи, обходя всѣхъ обѣдающихъ, собирали остатки хлѣба, изъ которыхъ приготавливаются сухари для раздачи отшельникамъ».

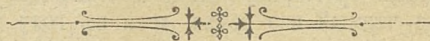
«Вступающій въ общежитіе обязывается передавать все свое имущество въ распоряженіе игумена. Само собою разумѣется, что большинство, покидая міръ, заранѣе распоряжаются своимъ достояніемъ, раздають его родственникамъ и т. д., и лишь опредѣленный остатокъ вносятъ въ монастырскую кассу. Удерживать у себя что-либо изъ наличнаго имущества, въ особенности деньги, строго воспрещается. Монахъ, у котораго послѣ смерти окажутся деньги, можетъ быть лишенъ обычнаго погребенія и поминанія. Киновитамъ, само собою разумѣется, и принимать ихъ также возбраняется.

«Старикъ-рыбакъ отецъ Хлоръ, Флоръ или Фроль,—какъ простолюдинъ изъ малороссовъ, онъ никакъ не могъ повѣдать, какъ его собственно звать, — старикъ весьма симпатичный, высокаго роста съ прекрасными открытыми энергическими чертами лица и прекрасно могъ-бы служить моделью для изображенія св. Петра, его собрата по ремеслу. О. Фролу было передано благословеніе игумена на оказаніе мнѣ всякой помощи въ добычаніи рыбы и другихъ морскихъ животныхъ; но я чувствовалъ потребность чѣмъ нибудь заинтересовать его въ дѣлѣ, значеніе котораго ему не могло быть понятно; поэтому я охотно воспользовался его жалобой о недостаткѣ какихъ-то крючьевъ для болѣе успѣшной рыбной ловли и предложилъ ему для ихъ пріобрѣтенія, нѣсколько меджидовъ. Послѣ долгихъ отбиваній и ссылокъ на объѣтъ безсребрія, Фроль, наконецъ, какъ будто и убѣдился, что принимаетъ деньги вовсе не для себя лично, а на общественную надобность; но не успѣлъ я отойти отъ рыбацкаго домика и десятка саженой, какъ Фроль догоняетъ меня и возвращаетъ меджиды».

«Еще двѣ мелкія особенности въ аеонскихъ обычаяхъ, впрочемъ, неоднократно уже подмѣчены въ печати. Во время службы монахи крестятся не когда вдумается, а лишь въ опредѣленныхъ мѣстахъ, т.-е. всѣ одновременно. Это, какъ вамъ поясняютъ, установлено въ видахъ смиренія, дабы не было грѣшнаго соревнованія въ вѣншемъ проявленіи набожности. Другая, тоже мелкая особенность чисто обряднаго значенія — это поверганіе ницъ передъ выходящей изъ трапезы братіи трапезяря, повара и чтеца.

За утерянную или разбитую инокомъ вещь, хотя-бы это была копѣчная деревянная ложка, на виновника налагается кара, которая въ мірскомъ быту находитъ себѣ аналогію развѣ въ выставленіи къ позорному столбу. Виновный становится на поклоны, во время трапезы, а во время выхода братіи, лежа ницъ на полу, передъ дверью, проситъ прощенія у братіи, которая, согласно ритуалу, произноситъ: «Богъ да проститъ». Иногда разбитая вещь, какъ назидательное *corpus delicti*, лежитъ подлѣ провинившагося; иногда-же вина его остается тайною для всѣхъ, кромѣ духовника и игумена.»

«Вѣст. Евр.»

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ

1892. | БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ „РОДИНЫ“. | № 6.

СИБИРСКІЕ ОЧЕРКИ.

А. БАКУЛОВСКАГО.

(Продолженіе).

III.

**Пароходъ „Москва“ и плаваніе отъ Іевлево до Томска.—
„Тура, Иртышъ, Тоболь“.**

Была глубокая ночь, когда раздался рѣзкій свистокъ, возвѣщавшій о скоромъ снятіи съ якоря. Надѣвъ теплое пальто, я поспѣшно поднялся на палубу. Тамъ было движеніе и суета. На носовой площадкѣ верхней палубы толпились пассажиры, на мостикѣ передъ огромной трубой парохода, около колеса руля, уже стояли штурвальные и лоцмана. Капитанъ совсѣмъ молодой, красивый блондинъ, перегнувшись черезъ перила, отдавалъ приказанія помощнику, еще болѣе юному, наблюдавшему на нижней палубѣ за работой матросовъ.

Обѣ мачты парохода точно были иллюминированы фонарями, поднятыми на блокахъ; на передней кромѣ того развѣвался бѣлый флагъ, на которомъ черными буквами написано было: «Москва». П. А. Широкова. Еще свистокъ, и черный дымъ клубами повалилъ изъ трубы. Я прошелъ на кормовую часть палубы слѣдить, какъ крѣпили буксиръ. «Москва» вела за собой огромную баржу съ товарамъ, грузъ который достигалъ 40.000 пудовъ.

На Сибирскихъ рѣкахъ нѣтъ специально пассажирскихъ пароходовъ; всѣ они также и буксирные. Лучше ѣздить на пароходахъ Курбатова, какъ узналъ я потомъ — они дѣлають рейсы скорѣе, потому что буксируютъ мелкія, арестантскія баржи, т. е. приспособленныя къ перевозкѣ сыпучихъ. Третій свистокъ, колеса зашумѣли и мы тронулись по тихимъ водамъ Туры.

«Москва» шла осторожно и тихо, такъ какъ здѣсь еще попадались мели и къ тому-же до разсвѣта было далеко. Постоявъ немного на палубѣ, я спустился въ крытую палубу, потому что становилось прохладно, да и темнота мѣшала слѣдить за окрестностями и берегами Туры. Въ закрытой палубѣ помѣщались пассажиры 3-го класса. Большинство ихъ уже спало на деревянныхъ лавкахъ, подложивъ подъ себя теплыя одежды и багажъ, вмѣсто подушки. Люди болѣе пожилые и зябкіе ютились около машины, занимавшей середину трюма и крытой полубы. Здѣсь было приятно, тепло. За машиннымъ отдѣленіемъ были сложены дрова, которыя не умѣстились въ трюмѣ, и шло помѣщеніе пассажировъ 2-го класса. Я заглянулъ и туда. Въ общей каютѣ находилось много студентовъ. Это были питомцы Томскаго университета. Изъ дамской каюты доносился веселый, молодой смѣхъ. Отдѣльныя каюты были занерты и занимались семейными людьми. Я опять вернулся на палубу. По борту парохода помѣщались кухня, буфетъ, помѣщеніе лоцмановъ и каюты капитана и его помощника. Матросы имѣли помѣщеніе въ трюмѣ. Тамъ-же находился и тяжелый, громоздкій багажъ, но его было немного. Мы прошли уже порядочное разстояніе отъ Левлевоы, когда я закончилъ осмотръ парохода. Наша «Москва» — величиною напоминала мнѣ пароходы, на которыхъ я ѣздилъ изъ Петербурга въ Кронштадтъ. Баржа, которую она тянула на буксирѣ, была больше ея. Я вошелъ сначала въ рубку 1-го класса. 1-й классъ только и различался отъ второго этою рубкой, красиво былъ накрытъ обѣденный столъ, точно въ общихъ залахъ гостиницы. Здѣсь уже никого не было.

Меня клонило ко сну. Я спустился въ каюту, гдѣ засталъ только одного пассажира. Это было очень приятно, такъ какъ общая каюта не особенно велика. Пассажиръ посмотрѣлъ на меня, я въ свою очередь на него и затѣмъ улегся на диванъ.

Когда я проснулся, день былъ уже въ полной силѣ и на «Москвѣ» царилъ суетливая жизнь. Мой сожителъ по каютѣ — очень элегантно одѣтый, раснаковывалъ свои вещи и оглянулся на меня.

— Долго изволите почивать! съ приятной улыбкой обратился онъ ко мнѣ.

— За то вчера я поздно легъ... отвѣтилъ я, подымаясь.

— А мы уже вступили въ Тоболь! проговорилъ онъ.

Я выглянулъ въ круглое окошко каюты. Рѣка была уже значительно шире. Берегъ казался далеко. Онъ былъ низменный и луга чередовались съ лѣсами. Яркое солнце заливало привѣтливими лучами спокойную воду и берегъ. Вѣяло тепломъ.

— Вы далеко направляетесь? спросилъ меня пассажиръ.

— Въ Томскѣ!..

— Бывали и раньше въ нашихъ мѣстахъ;

— Нѣтъ, никогда...

— А позвольте узнать по какому дѣлу?

— Путешественникъ, знакомлюсь съ Россіей и хочу затѣмъ познакомиться съ ней читателей журнала, въ которомъ я работаю...

— Вотъ это пріятно... А то о нашихъ странахъ такъ мало пишутъ. Вѣдь въ Петербургѣ думаютъ, что Сибирь это — адъ и, если не быть каторжнымъ, то въ ней жить нельзя.

— Пожалуй, вы правы... Эта обширная страна еще совершенная загадка для насъ.

— Вы проѣдете и дальше... Навѣрно до Владивостока!

— Нѣтъ, увы, я изъ Томска поверну обратно...

— Какъ жаль... А самое интересное въ Сибири—ея восточная половина. Но позвольте намъ познакомиться...

— Я назвалъ себя. Мой собесѣдникъ оказался томскимъ купцомъ. Онъ былъ еще молодой человекъ, красивый и весьма интеллигентный. Германъ Ивановичъ, какъ звали его, ѣздилъ въ Москву и на ярмарку въ Нижній. Я очень обрадовался случаю познакомиться съ кореннымъ сибирякомъ. Мы вышли вмѣстѣ на палубу.

— Я приказалъ дать въ рубку чай и пригласилъ и Германа Ивановича.

— Мы будемъ останавливаться гдѣ-либо сегодня? спросилъ я.

— Въ Тобольскѣ, вечеромъ...

— Скажите, каковъ этотъ городъ?..

— Вы видѣли Тюмень?

— Да, я прожилъ тамъ три дня...

— Ну, тогда вамъ незачѣмъ останавливаться въ Тобольскѣ... Это городъ еще болѣе неприглядный и глухой...

— Неужели! По вѣдь тамъ центръ губернскаго управленія?

— Это ничего не значить. Тюмень—все таки оживленнѣе, тамъ хоть торговля есть, а здѣсь—ничего...

— Ну, а Томскъ, тоже въ такомъ родѣ?

— Нѣтъ, Томскъ городъ большой и оживленный...

Я опять оглянулся въ окно. Луга тянулись на безконечномъ пространствѣ и ни одного жилища, ни одного признака присутствія человека. Какое приволье, какой просторъ. Мы вышли на палубу. Стая дикихъ утокъ испуганно выпорхнула изъ воды и полетѣла къ берегу. Бѣлая чайка вилась надъ парходомъ и высоко въ прозрачномъ воздухѣ величаво парилъ огромный ястребъ. «Москва», разсѣвая носомъ воду Тобола, плавно шла впередъ, легко буксируя свою баржу.

На палубѣ сидѣли еще пожилая дама, около которой рѣзвился прелестный ребенокъ, дѣвочка, молодая чета, очевидно супруговъ и гуллили взадъ и впередъ студенты.

Капитанъ разговаривалъ съ какимъ-то мужчиной, а его помощникъ

любезничалъ съ миловидной пассажиркой 2-го класса. На лицахъ всѣхъ было написано удовольствіе, доставляемое картиной природы, привольемъ и хорошимъ, тихимъ, не жаркимъ днемъ.

За обѣдомъ въ нашей рубкѣ мы всѣ перезнакомились. Дама съ дѣвочкой возвращались изъ Одессы въ Иркутскъ. Кокетливый, баловливый ребенокъ занималъ насъ всѣхъ. Молодые супруги ѣхали въ Красноярскъ на свои пріиски. Меня поразило, какъ легко говорятъ сибиряки о своихъ разстояніяхъ. Для нихъ тысячи верстъ ѣзды на почтовыхъ, — тоже что намъ проѣхать изъ одного конца города въ другой. Здѣсь ѣздятъ въ гости другъ къ другу за триста, четыреста верстъ, проведутъ вечеръ, поиграютъ въ винтъ и обратно.

Мы разговорились о письмахъ изъ Сибири Чехова, напечатанныхъ въ «Новомъ Времени». Всѣ хвалили талантливость автора ихъ, но вдругъ молодая золотопромышленница заявила на Чехова свое недовольство. Это недовольство раздѣляютъ и другія сибирячки, обиженный писателемъ, какъ я узналъ потомъ. Чеховъ не нашелъ въ сибирскихъ женщинахъ какой-то бархатности тѣла и женщины вездѣ оказались вѣрными самимъ себѣ. Этотъ вопросъ задѣлъ ихъ глубоко.

Германъ Ивановичъ заступился за своихъ землячекъ.

— Если вы проживете долго въ Томскѣ и познакомитесь съ нашимъ обществомъ, то увидите, насколько неправдоподобно это заключеніе. Мы вамъ такихъ красивыхъ покажемъ, какихъ нѣтъ въ Россіи... сказала онъ.

И Германъ Ивановичъ былъ правъ, но объ этомъ скажу послѣ.

Послѣ обѣда я попросилъ у помощника капитана газеты и занялся чтеніемъ. Часовъ около семи вечера Германъ Ивановичъ явился звать меня на верхъ.

— Развѣ уже Тобольскъ? спросилъ я.

— Да, скоро и Тобольскъ... Но теперь мы подходимъ къ руслу Тобола и сліянію его съ Иртышемъ.

Иртышъ — могучая рѣка, прославленная Ермакомъ, въ волнахъ которой онъ нашелъ и могилу! Какое-то волненіе схватило меня и я почти выбѣжалъ на палубу. Впереди, озаряемое лучами заходящаго солнца, виднѣлось словно огромное озеро.

«Москва» — шла около берега и вдругъ круто свернула наперерѣзъ по діагонали величавой массы воды. Мы проходили русло Тобола. Вправо показался Иртышъ, широководный и быстрый, исчезавшій далеко на югъ за зелеными пригорками и холмами. Мѣсто сліянія его съ Тоболомъ образуетъ точно настоящее громадное озеро. Я легко могъ отличать даже линію этого сліянія. Иртышъ течетъ очень быстро и вода его гораздо краснѣе, чѣмъ вода Тобола. Потомъ оказалось, что она обладаетъ желѣзнымъ вкусомъ. Еще нѣсколько минутъ молчаливаго созерцанія этой красивой картины, и пріямъ противъ насъ на берегу показался Тобольскъ.

Тобольскъ — расположенъ на горѣ. Изъ-за зелени выглядывали главы бѣлыхъ церквей, контуры домовъ, которые издали казались красивыми. Замѣчательны эти города... Когда глядишь издали на ихъ общій видъ, они

обманываютъ взоръ и кажутся привлекательными, вблизи — одна грязь, развалины и пыль. Еще впереди сверкалъ широкій Иртышъ, терявшійся назадъ за крутымъ поворотомъ, гдѣ едва виднѣлась въ бинокль «Ермакова гора» — у подножья которой утонулъ онъ, отстаивая завоеванную у татаръ землю.

«Москва» плавно и спокойно подошла къ своей пристани и бросила якорь. Я спросилъ капитана, долго ли мы будемъ стоять; оказалось, что три часа. Я спустился на бортъ и выскочилъ на пристань вмѣстѣ съ толпой пассажировъ. На пристани стояла вереница торговцевъ. На лоткахъ продавали яйца, молоко, хлѣбъ, копченую рыбу, колбасы и кедровые орѣхи, вѣрнѣе, шишки кедровъ. На лодкахъ рыбаки подвидывали сачками живую рыбу. Дальше стояли торговцы — теплыми шапками, валенками, кушаками, рукавицами и опять лотки съ съдобными припасами. Небогатый людъ, для котораго были недоступны цѣны пароходнаго буфета, кстати весьма высокія, покупалъ у этихъ лотковъ на перебой. Здѣсь же мелькали повара и лакеи «Москвы» — перебивавшіе довольно грубо нужную провизію у пассажировъ. Я соблазнился копчеными «нельмочками» и приобрѣлъ себѣ нѣсколько штукъ. Это замѣчательно нѣжная и вкусная рыба, далеко превосходящая лососину и даже форель. «Нельма» водится исключительно въ Сибири и рѣже въ «Сѣверной Двинѣ». Кушилъ еще нѣсколько кедровыхъ шишекъ. Для «сибиряковъ» кедровые орѣхи замѣняютъ наши «подсолнечники» и шелканіе ихъ носитъ характерное названіе «сибирскаго разговора.» — Дешевизна на всѣ предметы крайняя. На двугривенный вы можете приобрести: круглый, вкусный хлѣбъ, бутылку молока, десятокъ яицъ, нѣсколько «нельмочекъ» и кедровыхъ шишекъ, словомъ цѣлый узникъ.

Я взялъ «гитару», которыхъ много стояло у пристани, и велѣлъ провезти себя по главнымъ улицамъ «Тобольска». Къ сожалѣнію, уже становилось темно, а въ Тобольскѣ, какъ и въ «Тюмени» — на улицахъ фонари считаются излишнею роскошью. То, что мнѣ удалось разглядѣть, было дѣйствительно еще непривлекательнѣе, чѣмъ въ Тюмени. Выдѣлялся только одинъ домъ дворянскаго собранія, гдѣ, говорятъ, залъ положительно красивъ и очень обширенъ. Я вернулся на пристань и услышалъ уже свистокъ.

— Были въ городѣ? спросилъ меня Германъ Ивановичъ.

— Да, но ничего не разглядѣлъ, тамъ такъ темно...

— И ваше счастье... По крайней мѣрѣ запомните общій видъ и будете думать, что Тобольскъ красивъ.

Я разсмѣялся.

— Нѣтъ, Германъ Ивановичъ... Улицы мнѣ дорисовали то, что скрытъ мракъ.

— А что?

— Да, меня такъ растрогало, будто я проѣхалъ тысячу верстъ на почтовыхъ...

Мостовыхъ въ Тобольскѣ тоже не признаютъ. Только крѣпкія «гитары»

и могут выносить глубокіе ухабы, украшающіе тобольскіе улицы. Нагрузка дровъ на пароходъ и баржу кончилась и мы снова поплыли. Я съ удовольствіемъ сѣдиль, какъ весело и легко работала при этой нагрузкѣ команда. Матросы «Москвы» почти все были набраны изъ уроженцевъ Вятской губерніи и отличались здоровьемъ и крѣпостью тѣлосложенія.

Я гулялъ еще по палубѣ, когда Германъ Ивановичъ подошелъ ко мнѣ и предложилъ спуститься во 2-й классъ, гдѣ студенты пѣли русскія пѣсни. Я согласился. Съ нами пошелъ и капитанъ, который еще прихватилъ гитару. Оказалось, что нашъ капитанъ совершаетъ въ этой должности свой первый рейсъ и до сихъ поръ плавалъ только помощникомъ. Капитанъ рассказалъ интересный случай, приключившійся прошлою навигаціей на «Москвѣ». Кажется, о немъ даже было напечатано въ нашихъ газетахъ.

Капитаномъ тогда былъ старый морякъ, дослужившійся изъ матросовъ. Отплытая изъ Иевлево, онъ, вмѣсто одной, взялъ на буксиръ двѣ баржи, что, конечно, замедлило ходъ парохода. Обыкновенно «Москва» среднимъ числомъ дѣлаетъ 12 верстъ въ часъ, а весь рейсъ отъ Иевлево до Томска — въ одиннадцать дней. Съ двумя же баржами, она шла не болѣе семи верстъ. Это вызвало неудовольствіе и справедливый ропотъ среди пассажировъ, для которыхъ каждый день составляетъ большой расчетъ. Но жалобы и протесты только разсердили упрямго моряка, и въ Сургутѣ — на Оби — онъ прихватилъ уже по личной волѣ еще баржу. Это до того замедлило рейсъ, что въ Нарыхъ пароходъ пришелъ только на четырнадцатый день. Провизія въ буфетѣ начала портиться, такъ какъ ее закупаютъ только въ Tobольскѣ на весь рейсъ. Ропотъ перешелъ въ открытое возмущеніе. Капитанъ приказалъ матросамъ запереть наиболѣе шумѣвшихъ пассажировъ въ трюмъ. Но команда еще не успѣла исполнить этого приказанія, какъ случилось нѣчто другое. Капитанъ былъ на мостикѣ.. Надо еще добавить, что команда, лоцмана и шкипера не особенно любили его за суровый, почти звѣрскій характеръ. Онъ гулялъ по мостику, какъ вдругъ около него словно выросли четверо пассажировъ съ револьверами въ рукахъ. Они потребовали, чтобы сейчасъ были перерублены буксиры, иначе грозилъ самого его запереть въ каюту и исполнить лично свое требованіе. Капитанъ прислонился къ периламъ и, схватившись за нихъ, такъ и застылъ съ открытымъ ртомъ. Его поразили моментальный разрывъ сердца. Это дѣло потомъ разбиралось въ Тюмени.

Я мысленно поразился, что нашъ капитанъ совсѣмъ не похожъ на своего предшественника, и потому навѣрно мы проплаваемъ благополучно. Я спросилъ капитана, отчего «Москва» такъ поздно совершаетъ свой первый рейсъ и узналъ, что чинили машину, которая испортилась, когда отплыли въ июль. Съ той поры «Москва» все стояла въ Иевлево.

Студенты очень радушно приняли насъ въ свой кружокъ. Двое изъ нихъ были въ формѣ. Одинъ — уже второй годъ былъ въ Томскѣ, другой ѣхалъ изъ Варшавы впервые — только что переведшійся въ сибирскій университетъ. Остальные двое — оказались семинаристами изъ Тверской губерніи, посту-

навшими сюда. Томскій университетъ—единственный у насъ, куда открытъ доступъ послѣ легкаго испытанія воспитанникамъ семинарій.

Здѣсь-же находилась миловидная полька — варшавянка съ мужемъ, переселявшаяся въ Иркутскъ. Полька была закройщицей въ лучшемъ варшавскомъ магазинѣ, но соблазнилась разсказами объ Иркутскѣ и захотѣла открыть тамъ собственный, дамскій магазинъ.

Капитанъ заигралъ на гитарѣ... Студенты подхватили пѣсню и прерванное нашимъ приходомъ веселье возобновилось. Я уже послѣ замѣтилъ въ каютѣ еще двухъ пассажировъ, лежавшихъ на койкахъ. Они съѣли въ Тобольскѣ и оказались фотографами, переселявшимися въ Томскъ. «Тобояки» такъ мало имѣли желанія увѣковѣчивать свои образы, что не могли и года прокормить бѣдныхъ фотографовъ. Черезъ нѣсколько времени — оба пассажира привлекли наше общее вниманіе. Они достали изъ корзинки, стоящей на койкѣ, сырыхъ стерлядокъ и аппетитно начали ѣсть ихъ, разрѣвая на небольшіе куски и только соля крупной солью. Наше изумленіе — смѣшило ихъ.

— Увѣряю васъ, что это очень вкусно... Попробуйте! предложилъ мнѣ одинъ.

— Гдѣ вы научились ѣсть сырую рыбу? Неужели въ Тобольскѣ? спросилъ я.

Фотографъ подтвердилъ и добавилъ, что ему показали это остяки, которые уже встрѣчаются за Тобольскомъ. Я рѣшился попробовать. Признаюсь—сырая стерлядь мнѣ показалась безвкусной. Ни гадкаго, ни пріятнаго ощущенія не было.

Мы долго просидѣли, бесѣдуя о Сибири. Затѣмъ Германъ Ивановичъ предложилъ мнѣ пойти поужинать и поиграть въ винтъ. Мы вернулись въ рубку и тамъ составили партію, завербовавъ еще молодыхъ супруговъ. А «Москва» все шла впередъ... Широкой Иртышъ — привольно разливался вокругъ нея; шумѣли колеса и высокая волна шла отъ борта парохода къ берегу. Берега теперь были гораздо выше и по нимъ тянулся сплошной, непроглядный лѣсъ. Сколько тамъ звѣрья, сколько дичи, еще пожалуй и не слышавшей ружейнаго выстрѣла!.. Ахъ, ты дикій, привольный край, когда тебя скуютъ люди, точно цѣпями, желѣзной дорогой, селами, торговлей! Прощай тогда дѣвственный лѣсъ, его мирные обитатели, прощай приволье Сибири!..

Еще два дня плыли мы по Иртышу. По мѣрѣ приближенія къ его впаденію въ Обь—берега опять становились ниже, лѣсъ рѣдѣлъ и потянулись заливные, зеленые луга. Изрѣдка видѣлись селенія. Мелькнеть церковъ—деревянная, маленькая и вокругъ нея начнутъ вырисовываться избы. Насколько богато живутъ крестьяне въ средней полосѣ Сибири по тракту, жители прирѣчныхъ деревень не могутъ похвастаться достаткомъ. Особенно вредить имъ ежегодный разливъ рѣкъ, обыкновенно затопляющій всю деревню, хотя-бы и расположенную достаточно на видъ далеко отъ рѣчки. Мы останавливались у двухъ деревень и грузили дрова. Я прибрѣлъ въ одной—на пристани раковъ, очень крупныхъ, которыхъ ловилъ здѣсь сът-

кой босоногій мальчишка. За корзину чуть-ли не въ полсотню онъ запроесилъ двутривенный и, получивъ его, бѣгомъ бросился въ деревню, словно боясь, чтобъ кто не отнялъ его сокровища. Пока плаваніе было вполне благополучное и ничего не приключалось по пути. Я уже начиналъ скучать, хотя шель всего третій день, какъ мы отплыли изъ Левлево. Красивыя, но однообразныя виды надоѣдали...

Скучали уже другіе пассажиры. Наконецъ, утромъ на четвертый день, я услышалъ возгласы: «Обь!» «Обь!».. Мы подходили къ Оби... Я выскочилъ на палубу и взялъ бинокль... Величайшая изъ рѣкъ Сибири блеснула на горизонтѣ... Глазъ искалъ берега, но его не было... Вдругъ пароходъ круто повернулъ и вошелъ въ узенькую рѣчку. Исчезло величественное видѣніе. Я спросилъ капитана, куда мы вошли. Онъ отвѣчалъ въ протокъ, такъ какъ это сокращаетъ путь, а что къ вечеру войдемъ въ настоящую Обь. Протоки—очень часты здѣсь и идти по нимъ выгоднѣе, такъ какъ теченіе не такъ сильно и они обыкновенно сокращаютъ число верстъ. Но зрѣлище мало интересное.

Я ожидалъ вечера, ожидалъ Оби...

IV.

О Б Ъ.

Солнце садилось въ третій разъ на западѣ за высокимъ лѣсомъ, съ тѣхъ поръ, какъ я вступилъ на палубу парохода. Красноватые лучи и облака, бѣжавшія по небу, обѣщали на завтра свѣжій вѣтеръ. Мы все стояли на мостикѣ около капитана, когда «Москва» выбралась изъ узенькаго протока и вступила въ необъятную массу воды, представляющую рѣку Обь. Вотъ она блеснула впереди, могучая и тихая, словно мирно дремлющая въ спокойномъ сознаніи своихъ силъ. Какая красота! Какая дикая, привольная картина! Какимъ жалкимъ челномъ показался мнѣ нашъ пароходъ, передъ этой водяной пустыней, широко раскинувшейся кругомъ. Капитанъ, казалось, раздѣлялъ мои мысли, и «Москва» повернула къ правому берегу и пошла, держась отъ него въ нѣсколькихъ саженьяхъ.

Напрасно я напрягалъ зрѣніе и съ помощью бинокля старался увидѣть противоположный берегъ, его не было. Такъ широка Обь. Вода въ Оби гораздо мутнѣе и темнѣе, чѣмъ въ Иртышѣ.

Между тѣмъ воздухъ становился прохладнѣе и вѣтерокъ уже подулъ съ замѣтной силой.

На баржѣ подняли парусъ, что несомнѣнно увеличило ходъ «Москвы».

— Мы приближаемся къ самому сѣверному пункту нашего пути! обратился ко мнѣ капитанъ.— Часа черезъ два мы будемъ въ Сургутѣ, а отъ Сургута Обь уже поворачиваетъ на югъ.

Сургутъ—городъ? спросилъ я.

— Зовется городомъ, но это самый бѣдный поселокъ!

— Мы его увидимъ?

— Нѣтъ, онъ скрытъ горой, возвышающейся на берегу и далеко расположенъ отъ рѣки, верстахъ въ семи...

— Такъ что побывать въ немъ не прійдется!..

— Нѣтъ! Но едва-ли и стоитъ. Остатковъ вы еще увидите дальше по Оби, а, кромѣ нихъ, въ Сургутѣ живутъ нѣсколько смышлыхъ. Это самые несчастные изъ всѣхъ, которые обрѣтаются въ западной Сибири.

А вѣтеръ все усиливался. Когда мы подошли къ пристани, по рѣкѣ уже бѣгали бѣлые барашки и небо заволокли свинцовыя тучи. Было темно, но я различилъ вдалекѣ высокую гору. За ней и скрывался Сургутъ. Наша пристань болѣе звалась такъ по названію. На берегу стояла только будка съ торчавшимъ надъ ней флагиномъ, а около были сложены въ изобиліи дрова. Ближе къ рѣкѣ горѣли костры. Когда положили съ парохода на берегъ трапъ, я сошелъ туда и направился къ кострамъ. Оказалось, что и здѣсь была торговля, какъ и въ Тобольскѣ. Торговцы—крестьяне изъ Сургута, предлагали хлѣбъ, рыбу, молоко, яйца. Цѣна просимая ими была еще болѣе низкая, чѣмъ въ Тобольскѣ. Я подошелъ къ помощнику капитана, распоряжавшагося нагрузкой дровъ.

— Что стоитъ сажень? спросилъ я.

— Еловыя — по 60 к., а березовыя — 1 р. 10 к. отвѣчалъ онъ.

Вотъ если-бъ намъ въ столицу перевести эти цѣны! Иду даѣе. Избушка, на дверяхъ фонарь. Полюбопытствовалъ и открылъ дверь. Оказалось—кабакъ. Накурено, народу много, пьютъ и покунаютъ про запасъ на пароходъ. Очевидно, кабакъ торгуетъ всегда хорошо, такъ какъ пароходы ходятъ довольно часто. Выходи изъ двери столкнулся съ Германомъ Ивановичемъ. Онъ объяснилъ мнѣ, что кабачокъ этотъ переносится сюда изъ Сургута на время навигаціи и жители городка не затрудняются путешествовать въ него семь верстъ. Въ Сибири, пояснилъ мнѣ онъ-же, всѣ кабаки принадлежатъ извѣстному богачу Поклевскому-Козель. Начиная отъ Перми до Иркутска — въ каждой деревнѣ на кабакъ красуется эта фамилія. Хорошая популярность и достойная торговля для богатаго и интеллигентнаго человека. На Уралѣ въ честь этого богача, даже одна станція желѣзной дороги называется «Поклевская».

Буря грозила разыгратъся не на шутку. Когда мы поплыли снова по величественной Оби, она представляла совсѣмъ иную картину. Волны, обгоя другъ друга, точно холмы, покрытыя снѣгомъ, разстилались передъ моими глазами. На палубѣ было трудно стоять отъ порывистаго вѣтра. Мракъ и свинцовыя тучи, быстро ползущія по небу, дорисовывали общій фонъ картины. Не хотѣлось вѣрить, что это рѣка. Слово бурное море окружало пароходъ, испытывавшій уже замѣтную качку. Я спустился въ каюту, такъ какъ сильно озябъ. Тамъ начало еще чувствительнѣе. Волны съ пѣной ударялись въ окна каюты и отскакивали, обдавая ихъ точно мелкимъ дождемъ.

Пассажиры не на шутку перепугались, да признаться и мы, кавалеры, испытывали тоже мало пріятное чувство. Хотя «Москва» опять обрѣла дорогу около одного изъ береговъ, но и близость земли не сулила ничего

хорошаго въ случаѣ несчастія. На Оби пристани расположены въ разстояніи 300—400 верстъ одна отъ другой. Представьте себѣ, читатель, себя выброшеннымъ на подобный берегъ. Телеграфовъ нѣтъ, такъ что нѣтъ и указанія пути, ближнее жилье человѣческое—верстъ 200 отъ васъ, и достигнуть его надо черезъ пустынную, дикую тундру или дѣвственный лѣсъ, еще быть можетъ никогда не встревоженный ногой человѣка. Но даже при сильномъ счастьи, если вы достигнете жилья, развѣ вы спасены! По Оби живутъ вымирающіе, несчастные Остяки. Русское и достаточное населеніе сосредоточивается далеко южнѣ по большому почтовому тракту, заселенному весьма густо. А верстъ двѣсти на сѣверъ отъ почтовой дороги Тюмень, Омскъ, Томскъ, начинается таинственная, страшная тайга, и заблудись вы въ ней—нѣтъ спасенія! Кочующіе Остяки—типъ родной сѣвернымъ самоѣдамъ. Они всё нищѣ; юрта, нѣсколько собакъ, лодочка, выдолбленная изъ пня, и иногда ружье—все состояніе этихъ дикарей. Грязь и вонь въ юртахъ невыносимая. Пища остяковъ—сырая рыба и валенное мясо; всё они заражены сифилисомъ и цынгой и постепенно вымираютъ отъ этого бича, который, при условіяхъ жизни остяковъ и суровой природѣ, быстро дѣлаетъ свое дѣло. Занесли къ Остякамъ страшную заразу, говорятъ, мы—же русскіе изъ Тобольска и Сургута. Бѣдные дикари крайне гостепримны и предоставятъ гостю жену или дочь, точно хорошую сигару у насъ, признакъ дружбы и вѣжливости. И вотъ за эту вѣжливость они заплатились вымираніемъ своего рода. Остановить болѣзнь нѣтъ возможности. Нѣтъ медиковъ и медицинскихъ средствъ, да и трудно еще потому, что дикари поголовно пьяницы и несутъ въ кабаки Поклевскаго все, что только могутъ достать изъ нѣдръ Оби и своихъ суровыхъ тундръ. Такимъ образомъ добрести до юртъ остяковъ, право, еще не спасеніе отъ смерти.

Но, къ счастью, «Москва» выдержала бурю великолѣпно. Пассажиры не спали всю ночь и только къ утру, когда волненіе начало стихать, усновоились и предалися сну. Я выходилъ нѣсколько разъ на палубу и удивлялся спокойствію капитана. Онъ беззаботно ухаживалъ за пассажиркой изъ 2-го класса. Она тоже видимо относилась равнодушно къ бурѣ.

Слѣдующій четвертый день нашего плаванія прошелъ вполнѣ благополучно. Мы встрѣтили пароходъ, шедшій изъ Томска, и обмѣнялись поклонами, т. е. поднятіемъ флаговъ. Въ однообразной жизни на пароходѣ эта встрѣча заняла немного всѣхъ.

Привлекли вниманіе и остяки. На маленькой лодочкѣ, управляя ею съ кормы однимъ весломъ, имѣющимъ видъ стрѣлы—они подѣхали къ самому колесу, не обращая вниманія на волну отъ него и ругань съ парохода, и неистово предлагали купить у нихъ рыбу. Скоро велѣдъ за тѣмъ увидѣли мы на берегу двѣ юрты, сложенные изъ хвороста.

Вода, вода и вода!.. Право, на пароходѣ, особенно если долго ѣдешь, чувствуешь себя заключеннымъ. Берегъ тоже началъ надоѣдать. То безпредѣльная равнина, то лѣсъ... Всякая мелочь способна привлечь вниманіе. Вдалекѣ показался островъ, лежавшій отъ берега саженьяхъ въ пятиде-

сити. Отъ него по водѣ сначала шли, а потомъ плыли по водѣ три лошади, очевидно пасшися здѣсь. Лошадки несомнѣнно предвѣщали близость деревни. И дѣйствительно скоро показалась деревня. Ближайшія къ рѣкѣ избы стояли въ водѣ. Дальше — высилась каменная церковь.

— Вотъ, посмотрите! сказалъ мнѣ капитанъ. — Каждое лѣто Обь, разливаясь, тонитъ эти избы, а крестьяне предпочитаютъ жить въ водѣ, чѣмъ перенести ихъ дальше на берегъ.

— Отчего-же это?

— Такова русская натура. Отцы такъ жили, авось и мы проживемъ...

— Но неужели разливъ Оби продолжается и теперь?..

— Да, вѣдь здѣсь ледъ проходитъ въ концѣ іюня... Теперь еще весенній разливъ...

Весна въ августѣ!.. подумалъ я, а черезъ мѣсяць зима.

Мы не остановились, потому что дровъ еще было много на баржѣ. Вечеромъ капитанъ еще разсказалъ мнѣ интересную вещь.

Черезъ шесть часовъ мы будемъ проходить заливъ Ламинсоръ. На картахъ онъ не обозначенъ. Обь отдѣляется отъ него узкимъ перешейкомъ и въ бинокль вы можете его увидеть!

— Что-же это за заливъ?

— Никому неизвѣстно... Пароходы пробовали было войти въ Ламинсоръ черезъ протокъ, но онъ всегда такъ буренъ, что изслѣдовать его нѣтъ возможности. Мы предполагаемъ, что онъ тянется безконечно на сѣверъ и прямо сообщается съ Ледовитымъ океаномъ.

Я пораился, узнавъ это. Неужели-же нельзя построить специальный пароходъ и изслѣдовать этотъ таинственный заливъ. Вѣдь это было-бы важное открытіе!.. Заглянулъ на карту у шкипера, тамъ обозначено Ламинсоръ, а показана тундра.

Отъ скуки пронелъ во второй классъ. Тамъ студенты затѣяли стужку, поиграли немного и разошлись на покой.

Утро пятого дня началось остановкой у пристани, отстоявшей на 350 верстъ отъ Сургута. Я не стану описывать ее, такъ какъ новаго ничего не было. У этой пристани только сейчасъ-же была деревня и я съ удовольствіемъ погулялъ по твердой землѣ.

Но скоро насъ ожидало совершенно неожиданное приключеніе. Отсюда среди рѣки появились торчавшія деревья, даже цѣлыя островки, уже почти выступавшіе изъ воды. Велѣдствіе присутствія такихъ признаковъ суши Обь не казалась уже столь грандіозною, да и вообще она сдѣлалась уже, такъ какъ теперь были видны невооруженнымъ глазомъ оба берега. «Москва» только что миновала рядъ такихъ островковъ и вышла опять на свободное пространство, какъ на горизонтѣ показался силуэтъ парохода.

— Наконецъ-то!.. сказалъ капитанъ, разглядывая его въ бинокль.

— А что?

— Это пароходъ нашей компаніи «Дельфинъ». Онъ долженъ былъ вчера еще встрѣтиться намъ!

— Что-же его задержало?

— Не знаю... Да, пойте... Онъ сидитъ на мели... Конечно, сидитъ!..

Лоцманъ также взялъ бинокль и подтвердилъ слова капитана.

— Да, развѣ и на Оби есть мели?

— А островки вотъ эти... Затоплены, ночью и не видать! Легко-ли обознаться! сказалъ лоцманъ.

Капитанъ взялъ рупоръ и далъ три рѣзкихъ свистга. Съ «Дельфина» отвѣчали также свистгами.

Воображаю, какъ обрадовались пассажиры «Дельфина», когда увидали нашъ пароходъ.

Оказалось, что они сидѣли уже около сутокъ и попали на мель по винѣ лоцмана, принявшаго ночью одинъ кустъ, торчавшій изъ воды, за другой и направившаго путь на него. «Дельфинъ» вѣрзался носомъ въ песокъ и засѣлъ очень сильно. При попыткахъ сняться съ мели — онъ обломалъ всѣ лопасти колесъ. — Мы подошли къ нему и остановились; капитанъ очевидно соображалъ, какъ подать помощь своему собрату.

Отдали буксиръ и подошли къ баржѣ «Дельфина». Капитанъ хотѣлъ снять его съ кормы, для чего взяли буксиръ съ баржи «Дельфина» на «Москву». На немъ тоже дали задній ходъ, но и признака снятія съ мели не было. Сначала наши маневры развлекали всѣхъ, но скоро они надѣли. Становилось темно и мы сами могли угодить на мель, обходя безпрестанно вокругъ нея, да и слишкомъ долго уже мы занимались «Дельфиномъ». Нѣкоторые пассажиры начинали роптать.

Капитанъ, не теряя надежды помочь товарищу, увѣрялъ насъ, что сейчасъ сниметъ съ мели пароходъ. Нельзя-же бросить своего! Вѣдь пароходы другихъ компаній ни за что не помогутъ! шепнулъ мнѣ онъ.

— Неужели!?

— Конечно... Еще рады будутъ... Раньше придутъ и заберутъ пассажировъ!.. Конкуренція вездѣ... засмѣялся онъ.

Но сейчасъ мы «Дельфина» не сняли, а провозились до самаго разсвѣта. Все-таки молодой капитанъ настоялъ на своемъ и снялъ его съ отмели. «Дельфинъ» остался чинить колеса, а мы тронулись въ путь, потерявъ изъ-за него пятнадцать часовъ.

Становилось до того скучно, что я предложилъ Герману Ивановичу составить серьезный винтъ. Мы расположились въ рубкѣ и стали сокращать время. За обѣдомъ я замѣтилъ, будто щипы отзываются чѣмъ-то. Провизія начала очевидно портиться. Нашъ буфетчикъ взялъ цѣлаго быка въ Тобольскѣ и хотя онъ находился у него гдѣ-то на льду, но положительно издавалъ уже нѣкоторый душокъ. А это всего полдороги!.. Нечего дѣлать, перейдемъ на молоко и другіе продукты.

На седьмой день насъ обогналъ пароходъ «Косоговскій», принадлежавшій компаніи Курбатова. Онъ вышелъ на день позже насъ изъ Іевлевой и на день раньше пришелъ въ Томскъ. Рано утромъ позади «Москвы» на горизонтѣ показалась струйка дыма. Скоро образовался силуэтъ парохода, нагонявшаго насъ. «Москва» свернула въ протокъ, точно желая удрать отъ назойливаго преслѣдователя. Я помню, что здѣсь былъ престел-

ный видъ. На берегу на пригоркѣ открывалась глазамъ большая деревня съ двумя церквами. За ней тянулись желтѣвшія поля. Я давно уже не видѣлъ этого сочетанія — желтизны колосевъ и зелени травы. Издали замѣчательно красиво.

Но какъ мы ни удирали, «Косооговскій» къ полдню поровнялся съ нами. На палубѣ его было много пассажировъ, больше, чѣмъ у насъ. Я пожалѣлъ, отчего не подождать день въ Іевлевой и не поплыть на курбаговскомъ пароходѣ. «Косооговскій» велъ на буксирѣ арестантскую баржу. Арестанты занимали середину баржи. Борты ея имѣли не сплошную досчатую обивку, а сѣтку изъ стальной проволоки, чтобы несчастные могли дышать постоянно свѣжимъ воздухомъ и любоваться природой. Только за наказаніе или особоотважныхъ преступниковъ возятъ въ трюмъ. Женщины отдѣлены отъ мужчинъ непроницаемой переборкой. Право, точно звѣрей въ клеткѣ напоминали эти люди, прижавшіеся жадно къ рѣшеткѣ, въ своихъ сѣрыхъ халатахъ и своими звѣрскими большею частью физиономіями. Какая лѣтшіе преступленій, психологія извращеннаго ума — пронислалась передъ глазами на этой баржѣ! Новые сибиряки — счастливая Россія, избавляющаяся отъ нихъ, и бѣдная Сибирь, принимающая этихъ пришельцевъ. А можетъ быть и невинныя жертвы случая, обмана, клятвъ, почему знать!..

«Косооговскій» скрылся на горизонтѣ и опять наша жизнь приняла скучную однообразную физиономію. Впереди насъ ожидать «Нарымъ», но еще сегодня судьба послала маленькое приключеніе, поразнообразившее день. Мы вдругъ врѣзались сами въ мель. Баржа между тѣмъ шла подъ парусомъ и надвигалась прямо на насъ. Капитанъ закричалъ въ рупоръ, чтобы спустили парусъ, но на баржѣ очевидно не разслыхали.

— Право руля!.. Черти!.. Чтобы васъ уязвило... поблѣднѣвъ, закричалъ капитанъ.

Былъ моментъ, когда сорокатысячнопудовая баржа грозила врѣзаться намъ въ корму и разбить насъ въ дребезги, но по счастью рулевой намъ услышалъ родное «уязвило» и успѣлъ переменить курсъ. Мы только почувствовали толчокъ, трескъ бортовъ и баржа прошла подъ кормой и стала на якорь. Еще два часа потерянныхъ и поплыли снова.

Наконецъ на десятый день достигли «Нарыма». По этому городку и могъ составить себѣ понятіе и о пропущенномъ Сургутѣ. Въ «Нарымѣ» всего 1,500 жителей и большинство — ссыльные. Эти, мнѣ кажется, дѣйствительно терпятъ наказаніе, чего не могу сказать о благоденствующихъ ссыльныхъ въ Томскѣ, о которыхъ рѣчь будетъ впереди. Городокъ только что избавился отъ волнъ Оби. Обь заливаешь его каждый годъ и бѣдные жители терпятъ положительно бѣдствіе отъ наводненій. Видъ «Нарыма» очень бѣдный и жалкій. Городъ, должно, быть богобоязненный. Церквей, право, больше, чѣмъ жилыхъ зданій. Отъ «Нарыма» до Томска всего 500 верстъ. Говорю всего, потому что сравнительно съ разстояніемъ уже сдѣланнымъ «Москвой» 500 верстъ пустыки.

Въ «Нарымѣ» намъ сообщили, что въ Томи вода быстро убываетъ и едва-ли мы дойдемъ до городской пристани. Очень возможно, что придется

остановиться въ деревнѣ «Бѣлородовой», откуда до Томска 25 верстѣ надо ѣхать на лошадахъ.

Не совсѣмъ пріятно, мнѣ хотѣлось поскорѣе увидѣть Томскъ, но что дѣлать!

Послѣдняя пристань на Оби была деревня «Жалпашево». Я погулялъ довольно долго по ея окрестностямъ и забрелъ въ кедровую рощу. На кедрахъ шишки уже поспѣли и я сталъ сбивать ихъ, бросая на дерево сучья. Набралъ нѣсколько шишекъ и вернулся на пароходъ. Проходя по деревнѣ вижу сборище крестьянъ.

— О чемъ, братцы, толкуете? спросилъ я.

— Да, вишь, медвѣдь у насъ близко ходитъ... Вчера вотъ у Антина скотину задавилъ, такъ облавой идти хотимъ!..

— А какъ близко, братцы?

— Недалече, роща есть кедровая, такъ въ ней самой и бродитъ!..

Я едва не перекрестился. Сбивая шишки я могъ бы наткнуться на медвѣдя, который спишь-бы мнѣ черепъ! Пріятная встрѣча для петербуржца, привычнаго видѣть такого звѣря только въ клеткѣ въ саду г. Роста. Германъ Ивановичъ отъ души смѣялся, когда я рассказалъ ему эту исторію.

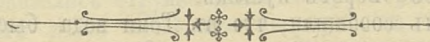
Все уже и уже становилась Обь. Теперь она была не шире Тобола. Я задумался надъ прошлымъ, доисторическимъ періодомъ этихъ рѣкъ и Сибири. Не можетъ быть такой ошибки природы, чтобы дать странѣ пустынной и мертвой такіа водныя артеріи, для того, чтобы почти некому было пользоваться ими или было бы даже нельзя, такъ какъ двѣ трети года — скованы они суровой зимой. Была здѣсь когда-то жизнь, былъ здѣсь жаркій поясъ, недаромъ еще и теперь находятъ по берегамъ сибирскихъ рѣкъ остовы громадныхъ животныхъ, какихъ теперь не водится даже подъ тропиками. И кто знаетъ, не вернется-ли все это опять, если снова совершится переворотъ въ природѣ.

Прощай Обь!.. Мы вступили въ «Томъ». Это маленькая рѣчка и единственное ея достоинство — замѣчательно чистый, ярко-зеленый цвѣтъ воды. Не смотря на то, что до Томска оставалось всего 70 верстѣ, мы плыли это разстояніе цѣлыя сутки, такъ какъ нѣсколько разъ становились на мель. Но по счастью предсказаніямъ «нарымцевъ» не удалось осуществиться и мы, оставивъ въ Бѣлородовой только баржу, сами благополучно дотянулись до Томска.

Какъ отрадно было ступить на берегъ послѣ двѣнадцатидневнаго съ лишнимъ заключенія на пароходѣ. Пристани отъ города, какъ всегда, оказались далеко.

Опять гитара, тряска и нетерпѣливое ожиданіе гостиницы, и, наконецъ, я въ ней. Право войдя въ номеръ, я радовался, какъ узникъ, получившій свободу.

(Продолженіе будетъ).

СЪВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ ТИБЕТЪ.

Въ майской книжкѣ «Историческ. Вѣстника» помѣщенъ отрывокъ изъ путевыхъ замѣтокъ г. Потанина о сѣверо-восточномъ Тибетѣ. Въ этомъ отрывкѣ путешественникъ разсказываетъ свою поѣздку въ одинъ изъ знаменитыхъ буддійскихъ монастырей, лежащихъ на берегахъ Желтой рѣки. Монастырь расположенъ въ горахъ; скалы изсѣчены пещерами и покрыты изображеніями боговъ. Монастырь былъ уничтоженъ во время послѣдняго мусульманскаго возстанія въ Китаѣ. Теперь онъ пустъ, но развалины его до сихъ поръ привлекаютъ буддійскихъ богомольцевъ. Нижний ярусъ скалы — разсказываетъ г. Потанинъ. — поднимающійся, какъ отвѣсная стѣна, на всемъ протяженіи усѣянъ нишами, раздѣланными человѣческой рукой въ квадратныя капицы. Нѣкоторыя изъ этихъ нишъ находятся у самаго подножія скалы, рядъ другихъ тянется выше, образуя какъ бы второй этажъ; надъ этимъ еще третій рядъ. Во всемъ нишамъ верхнихъ рядовъ были нѣкогда устроены ходы въ видѣ винтовыхъ лѣстницъ, галлерей и балконовъ, но теперь отъ этихъ лѣстницъ, галлерей и балконовъ остались только обгорѣлыя балки, мѣстами торчація изъ скалы, а еще чаще о существованіи ихъ свидѣтельствуютъ одни пустыя гнѣзда для балокъ. Одни ниши такихъ размѣровъ, что человѣкъ могъ бы вѣхаться въ нихъ на лошади; другія не болѣе слуховаго окна. Всѣхъ нишъ я насчиталъ около шестидесяти. Статуи нѣкогда были покрыты штукатуркой и краскамъ, но онѣ остались только на двухъ изъ нихъ. Фигуры стоячія отдѣлены отъ стѣны промежутками. Въ одной нишѣ, на широкой ступени, лежитъ саженное тѣло спящаго Будды, Будды въ нирванѣ. Но самая важная статуя въ Пи-линъ-сы — статуя Шянбы. Она высѣчена на открытой поверхности скалы и видна изъ долины. Фигура бога представлена сидящею на стулѣ съ опущенными ногами; еслибъ не сидячее положеніе, это изваяніе не уступило бы, вѣроятно, въ величіи извѣстнымъ баміянскимъ статуямъ. Мнѣ возможно было измѣрить только разстояніе между разставленными ступенями ногъ; это измѣреніе дало 8 метровъ; отойдя на другую сторону ущелья и поднявшись на гору до уровня, на которомъ находится грудь статуи, я могъ судить объ относительныхъ размѣрахъ статуи; длина ноги статуи отъ колѣна до ступни была равна разстоянію между ступнями, а высота всей статуи была въ три раза болѣе, чѣмъ голень. По этому расчету статуя имѣетъ 24 метра высоты. Туземцы говорятъ, что въ ноздряхъ статуи гнѣздятся голуби.

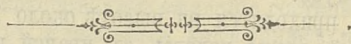
Ступни статуи приходятся на высотѣ около 2—4 сажень надъ дномъ долины. Надъ статуей, выше головы, съ правой и съ лѣвой сторонъ видны пещеровидныя углубленія въ скалѣ; въ каждомъ изъ нихъ на высотѣ десяти сажень надъ долиною были нѣкогда построены висячія кумирни, къ которымъ вели совершенно отвѣсныя лѣстницы; поднявшись по одной изъ нихъ, можно было по висячимъ балконамъ ходить въ уровнѣ выше головы статуи.

Теперь кумирень уже нѣтъ, но одинъ высочій балконъ какимъ-то чудомъ остался въ нишѣ съ правой стороны.

Кромѣ этого колосса, уцѣлѣло еще нѣсколько статуй, высѣченныхъ изъ камня. Большинство уничтожено мусульманами.

Когда все это было въ цѣлости, когда по поверхности скалы лѣпились одна выше другой росписанные яркими красками и золотомъ кумирни, когда лѣстницы, подобно вьющимся растеніямъ, цѣплялись за выступы скалы и взбѣгали на высоту десяти сажень, и легкіе балконы висѣли надъ бездной, видъ скалы, изверженной жилищами боговъ, былъ, вѣроятно, очень живописенъ. Все это было разрушено мусульманами во время возстанія. Мятезники спустились въ долину со стороны деревни Сунь-чжа-чырѣ, по той-же тропинкѣ, по которой спустились и мы; монахи защищались и обстрѣливали тропинку, но безъ успѣха; мусульмане спустились на дно долины и припились грабить монастырь; сначала перебили статуи въ нижнемъ ряду нишъ, а потомъ пустили по скалѣ огонь, который по деревяннымъ лѣстницамъ забрался къ самымъ верхнимъ постройкамъ и истребилъ ихъ безъ остатка. Потомъ были разрушены храмы на днѣ долины, и монастырскія кельи обращены въ груды камней. Въ настоящее время около великаго Шяньи не живетъ ни одинъ монахъ; пока я мѣрялъ боговъ метрической лентой, ни одна душа не помѣнала нашимъ занятіямъ.

Вообще возстаніе мусульманъ надѣлало въ этихъ провинціяхъ Китая множество бѣдъ и по сю пору не забыто. Десять лѣтъ, протекшія со времени его, — говорить г. Потанинъ — были недостаточны для того, чтобы заровнять ту пропасть, которую вырылъ мятежъ внутри здѣшняго населенія. Многіе герои того времени еще живы; многія лица, разоренныя мятежемъ, до сей поры не поправили еще свои состоянія; все еще цѣлыя деревни, даже города, даже сплошные округа, лежатъ въ развалинахъ, не говоря о монастыряхъ и отдаленныхъ кумирняхъ; многіе помнятъ еще, какую цвѣтущую картину представлялъ здѣшній край до возстанія, и могутъ сравнить настоящее запустѣніе съ тѣмъ, что было. Многіе потеряли въ мятежѣ не только свое благосостояніе, но и лишились дорогихъ ихъ сердцу людей; для этихъ потерянное было невозвратимо. Двѣ партіи въ народѣ, правительственная и бунтовавшая, какъ будто только временно сложили оружіе и готовы при первомъ поводѣ вцѣпиться другъ другу въ бороду. Лама Серенъ не иначе называлъ жителей Сунь-чжа-чыря, какъ ворами, конечно, заглазно. «Скажи ворамъ, чтобъ они закрыли окна ставнями» — отдавалъ онъ приказаніе нашему слугѣ, тангуту Гендуну.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ

1892. | БЕСПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ „РОДИНЫ“. | № 7.

СИБИРСКІЕ ОЧЕРКИ.

А. БАКУЛОВСКАГО.

(Окончаніе).

V.

Т о м с к ъ .

Томскъ расположенъ въ холмистой мѣстности въ пяти верстахъ отъ берега рѣки Томи. Отъ пароходной пристани до города дорога идетъ мимо складовъ нефти, керосина и во время дождей осенью крайне тяжела для лошадей. Мы кое-какъ добрались до главной улицы и остановились у воротъ гостиницы. Лучшая гостиница въ Томскѣ принадлежитъ еврею Ицковичу и называется «Европейской». Она помѣщается въ самомъ центрѣ города, что тоже представляетъ большія удобства. Я занялъ номеръ въ полтора рубля, состоявшій изъ двухъ комнатъ, очень чистыхъ и прилично убранныхъ, и, приведя въ порядокъ, свой туалетъ тотчасъ рѣшилъ осмотрѣть городъ. Но предварительно я спустился въ общій залъ и буфетъ, рѣшивъ начать осмотръ съ гостиницы.

«Европейская гостиница» занимаетъ большой каменный домъ. Нижний этажъ не сдается проѣзжимъ, тамъ устроены «номера» специально для своихъ городскихъ жителей, пріѣзжающихъ проводить время съ дамами. Во второмъ этажѣ — номеровъ немного и они очень дороги (5 р. въ сутки).

Здѣсь останавливаются прїѣзжающіе съ прїсковъ золотопромышленники. Но здѣсь находится два большихъ общихъ зала, биллиардная и буфетъ. Особенно красиво убранъ первый залъ, въ которомъ стоитъ превосходный органъ, навѣрно дорого ободешейся изъ-за перевоза Ицковичу. Изъ этого зала есть дверь въ отдѣльный кабинетъ, положительно роскошный, напоминающій уголовой на Морскую кабинетъ Кюба. Я не ожидалъ встрѣтить такую прекрасную гостиницу въ Сибири и еще болѣе былъ обрадованъ, когда нашелъ въ буфетѣ «Осколки», «Ниву», «Новое Время», «Московскій Листокъ» и др. газеты.

Хозяинъ Ицковичъ — пожилой человекъ, типъ библейскаго еврея, оказался очень образованнымъ и милымъ господиномъ. Онъ показывалъ мнѣ много благодарственныхъ писемъ отъ своихъ постояльцевъ, которымъ не приходилось болѣе встрѣчать подобной гостиницы далѣе, и я охотно вѣрю этому, такъ какъ къ тому-же цѣны на все въ буфетѣ весьма умѣренныя.

Прислуга у Ицковича очень вѣжливая и предупредительная. Для прїѣзжаго — это не маловажно.

Я позавтракалъ съ большимъ аппетитомъ. Мнѣ дали большую порцію пельменей. «Пельмени» сибирское кушанье и нигдѣ ихъ не готовятъ такъ хорошо. Когда я пробѣгалъ газеты, въ залъ вошелъ молодой человекъ, чрезвычайно изящный и очевидно бывавшій въ столицѣ. Я взглянулъ хорошо и вдругъ узналъ моего петербургскаго знакомаго, котораго я еще зналъ правовѣдомъ.

— Вы какъ здѣсь? обратился онъ ко мнѣ.

— Путешествую и отдыхаю! отвѣчалъ я, придвигая ему стулъ.

— Хорошее выбрали мѣсто для путешествій! Вѣдь здѣсь умереть можно со скуки, ничего интереснаго нѣтъ!..

— Ну, не скажите... А что вы здѣсь дѣлаете?

— Я служу при губернаторѣ... Но не знаю, протину ли болѣе года!..

— А вы уже давно здѣсь!

— Еще нѣтъ трехъ мѣсяцевъ!..

Встрѣча съ петербургскимъ знакомымъ въ далекой Сибири каждому изъ насъ была крайне прїятна.

Мы рѣшили вмѣстѣ прокатиться по городу и неожиданный другъ взялъ на себя обязанность «чичироне». Но предварительно мы выпили бутылку блага Зворыкинскаго вина. Это модное вино въ Томскѣ, его пьютъ вмѣсто шампанскаго и, право, со льдомъ оно напоминаетъ и игрою и вкусомъ «шипучку».

— Вы найдете здѣсь еще одного знакомаго! сказалъ мнѣ Н.

— Кого-же...

— Новаго полиціймейстера Z. Онъ прїѣхалъ вчера изъ Петербурга на «Косоговскомъ». Вы вѣдь знали его тамъ.

Я припомнилъ. Мы встрѣчались съ Z въ одномъ домѣ, когда онъ еще служилъ въ канцеляріи петербургскаго губернатора.

— Вотъ ужъ именно — гора съ горой не сходится, а человекъ съ человекомъ — часто!..

Мы вышли на подъездъ, гдѣ Н ожидали, его собственныя, элегантныя дрожки.

Мы поѣхали по главной улицѣ. Ее безобразила глубокая грязь, происходившая отъ лившихъ за послѣднее время дождей. Эта улица, какъ и всѣ другія въ Томскѣ — не вымощена, но кажется будущей весной этотъ существенный недостатокъ будетъ исправленъ стараніями новаго губернатора барона Тобизена. Но дома и особенно магазины по всей улицѣ очень красивы и вполне придаютъ городу европейскій оживленный видъ. Прямо отъ нашей гостиницы шель деревянный мостъ черезъ высохшую рѣчку, притокъ Томи. Затѣмъ находился губернаторскій домъ — двухъэтажный каменный особнякъ. Здѣсь-же помѣщается управленіе Томскаго почтово-телеграфнаго округа — въ большемъ, бѣломъ домѣ, далѣе — общественное собраніе и дворянское собраніе. Наконецъ мы выѣхали на обширную площадь. Я невольно обратилъ вниманіе на огромное каменное зданіе, не оштукатуренное еще. Это оказалось — городской театр, выстроенный мѣстнымъ головой Королевымъ, извѣстнымъ богачемъ. Театръ четырехъ ярусный и вмѣщаетъ болѣе тысячи зрителей. По другую сторону площади также только отстраивается новый соборъ, за которымъ идутъ деревянныя казармы Томскаго резервнаго батальона. Манежъ этого батальона прежде замѣнялъ зданіе театра и теперь еще сохранились въ немъ украшенія, сцена и приспособленіе для устройства спектаклей.

Противъ собора находятся присутственныя губернскія мѣста, а рядомъ съ ними строится новый домъ для губернатора. Мой «чичероне» поиниулъ меня здѣсь и пошелъ на службу, взявъ съ меня слово, что обѣдать мы будемъ вмѣстѣ и предоставивъ въ мое дальнѣйшее распоряженіе свой экипажъ.

Я поѣхалъ далѣе. Противъ театра строится новый университетскій флигель, теперь онъ еще закрытъ лѣсами. Отсюда на меня повѣяло словно дачными мѣстами. Одну сторону улицы занималъ огромный университетскій садъ, въ глубинѣ котораго стояло зданіе университета. Это зданіе — красивѣйшее въ Томскѣ. Громадный домъ, окрашенный бѣлою краской, эффектно высится изъ зелени густого, тѣнистаго парка. Университетомъ заканчивается черта города. Далѣе мы проѣхали больницу и склады военнаго вѣдомства и очутились въ полѣ. Вдали я различилъ палатки и строеніе. Оказалось, что тамъ расположенъ лагерь резервнаго батальона, возвращающагося въ городъ 29-го августа — въ день своего храмоваго праздника.

Обратный путь мнѣ не хотѣлось совершить по той-же дорогѣ и мы свернули по спуску, огибавшему университетскій паркъ къ рѣкѣ Томи. Здѣсь шла почтовая дорога изъ Томска въ Омскъ и городская черта на ней была обозначена триумфальными воротами. Дорога эта идетъ по мѣстности гораздо болѣе низменной, чѣмъ та, на которой расположенъ самъ городъ. Томскъ отсюда казался стоящимъ на горѣ. Мы проѣхали большой садъ, разбитый на склонѣ горы и прилегавшій къ заднему фасаду университета. Это былъ лѣтній увеселительный садъ «Алтай», закончившій

свой сезонъ за два дня до моего пріѣзда. Теперь мнѣ приходилось проѣзжать по предмѣстью города. Заселено оно преимущественно татарами. У мечети мы поднялись опять въ городъ и выѣхали на базаръ. Базаръ намиональ нашу сѣнную въ ея прежнемъ видѣ. Я остановился около телѣгъ съ дынями и арбузами. Большая, сочная дыня стоитъ 10 коп. Арбузы маленькія 5 коп., побольше 15 коп. пара. Ихъ привозятъ массами изъ города Барнаула, отстоящаго отъ Томска верстахъ въ 300. Здѣсь-же на площади находятся двѣ часовни. Улица, ведшая отъ базара къ нашей гостиницѣ, очень коротка. Главное зданіе на ней занято полицейскимъ управленіемъ города. Такимъ образомъ, я почти въ часъ ознакомился со всѣми интересными пунктами Томска. — Остальные его части напоминаютъ уже по внѣшнему виду Тюмень и мало привлекательны. Скажу, что главная улица тянется на восемь верстъ въ длину, и на ней сосредоточена вся жизнь и промышленность Томска.

Къ обѣду въ гостиницу пріѣхалъ N и привезъ съ собой симпатичнаго полиціимейстера, крайне жалѣвшаго, что мы не ѣхали на одномъ пароходѣ.

За обѣдомъ полиціимейстеръ разсказалъ интересный эпизодъ изъ его перваго соприкосновенія съ городскимъ управленіемъ при вступленіи сегодня утромъ въ должность.

— Пріѣжаю я, разсказывалъ онъ, — къ городскому головѣ. Выходитъ самъ. Познакомились.

— Грязно! говорю, у васъ въ городѣ. Ходить нельзя!

— Ничего-съ... Лошадокъ имѣемъ.

— Положимъ, но вотъ навозныя кучи убрать-бы надо...

— Говорятъ, здорово-съ...

— Фонарей нѣтъ на улицахъ! Темно ночью...

— Дома сидимъ-съ!..

— Городовыхъ семьдесятъ человекъ, а всего десять шинелей.

— По очереди-съ... У насъ тихо!

— Послѣ такой логики возражать было трудно! Вотъ вамъ, батюшка, Сибирь, которой вы такъ интересуетесь! добавилъ онъ.

Я разсмѣялся. Спрашиваю, какъ проводятъ время по вечерамъ жители. Оказывается, что зимой въ Томскѣ далеко не скучно. Въ театрѣ три раза въ недѣлю спектакли русской драмы и оперетки. Мѣстное общество имѣетъ свой музыкальный кружокъ, дающій симфоническіе вечера съ участіемъ любителей и любительницъ. Въ клубахъ семейные и танцевальныя вечера. Въ мѣстномъ манежѣ бывають маскарады, привлекающіе весь городъ, какъ принято говорить у насъ. Но болѣе всего процвѣтаетъ карточная игра и домашніе вечера въ обществѣ, составляющемъ нѣсколько особыхъ кружковъ. Главный центр Томской интеллигенціи — университетскій кружокъ, группирующійся около попечителя учебнаго округа западной Сибири Флоринскаго. Затѣмъ идетъ кружокъ — чиновный, собирающійся у губернатора, барона Тобивена. Военные держатся совершенно отдѣльно, но ихъ немного и притомъ они совсѣмъ не напоминаютъ нашихъ блестящихъ офицеровъ, состав-

вляющихъ цвѣтъ общества. Купечество пьетъ, проводитъ время въ гостиницахъ и церквахъ — оно еще достаточно сѣро и мало интеллигентно. Въ Томскѣъ издается даже газета «Сибирскій Вѣстникъ», служащая органомъ для всей западной Сибири и руководимая весьма даровитымъ человекомъ В. Г. Долгорукимъ, уже болѣе десяти лѣтъ живущимъ въ Томскѣ.

Я познакомился съ г. Долгорукимъ въ этотъ-же вечеръ. Онъ — «москвичъ» и прекрасно знаетъ Россію, но теперь сдѣлался вполне сибирякомъ. В. Г. Долгорукий — поэтъ самъ, страстный любитель театра и образованный умный собесѣдникъ. Шутя, онъ говорилъ мнѣ, что нигдѣ такъ не пьютъ, какъ въ Сибири, и это правда. Я узналъ отъ него о бытѣ «ссылныхъ», проживавшихъ въ Томскѣ. Болѣе всѣхъ благоденствуетъ чайный торговецъ Поповъ, хотя по суду ему назначенъ мѣстомъ жительства городъ Мариинскъ. Извѣстная Петербургу г-жа Федорова, директорша музыкальной школы, продававшая чужіе роили и тратившая залоги довѣрчивыхъ людей — имѣетъ здѣсь курсы пѣнія. Когда-то популярный червонный валець Котовичъ, сподвижникъ Дубецкаго, выступаетъ иногда въ концертахъ, какъ пѣвецъ. Общество въ Сибири никогда не спрашиваетъ сосланнаго о его винѣ и прошломъ и не запираетъ передъ нимъ дверей, до тѣхъ поръ пока онъ не запятналъ себя чѣмъ-нибудь въ своемъ новомъ пріютѣ. Тогда онъ навсегда отрѣшенъ отъ круга интеллигенціи. Какъ хотите, а черта эта гуманная. Еще болѣе сердечно относится къ ссыльнымъ простой народъ. Уже само названіе «несчастные» прекрасно звучитъ въ устахъ сибиряковъ. Крестьяне никогда не задерживаютъ бѣглыхъ, часто проходящихъ черезъ деревни, а всегда дадутъ имъ хлѣба, молока и позволятъ переночевать въ банѣ. Гуманность народа указываетъ на его развитіе. И дѣйствительно, сибирскіе крестьяне гораздо развитѣе и умнѣ нашихъ. Я согласился съ г. Долгорукимъ, что Сибирь можно назвать русскою Америкой.

Мы разстались довольно поздно, и я тотчасъ легъ отдыхать.

На слѣдующій день я былъ съ визитомъ утромъ у губернатора. Г. А. Тобизенъ — представитель придворнаго, обворожительнаго человека. Онъ очень жаловался на массу непріятностей и столкновеній съ городскими властями, которыя ему пришлось испытать по пріѣздѣ. Отсутствіе новыхъ судебныхъ учрежденій ошутительно сказывается въ краѣ и Г. А. Тобизенъ видитъ необходимую нужду въ ихъ введеніи. Губернатору пришлось при вступленіи въ должность сразу освѣжить штатъ канцеляріи и особенно полиціи свѣжими людьми вмѣсто старыхъ чиновниковъ, не совсемъ чистыхъ на руку. У губернатора я встрѣтился съ полиціймейстеромъ, который просилъ меня обождать его.

Когда мы вышли на улицу, полиціймейстеръ сообщилъ мнѣ интересную новость. Въ Томскѣ прибыла оперная труппа съ извѣстной артисткой Меньшиковой во главѣ и черезъ нѣсколько дней начинается серію спектаклей въ театрѣ. Я очень обрадовался случаю увидѣть въ сборѣ весь Томскъ и рѣшилъ непременно дожидаться перваго спектакля. Какъ оказалось, артисты остановились также въ «Европейской гостиницѣ» и за обѣдомъ въ залѣ мы познакомились. Я не могъ не выразить А. Г. Меньшиковой своего

изумленія по поводу ея неутомимой энергіи и любви къ оперѣ, съ которой она знакомитъ такія отдаленныя отъ музыкальной жизни центры. Кромѣ г-жи Меньшиковой была еще одна артистка, трое пѣвцовъ и акомпаньаторъ. Мы прекрасно провели вечеръ въ воспоминаніяхъ о театрѣ, передачѣ своихъ впечатлѣній изъ путешествія. Съ нами-же были полиціймейстеръ, чиновникъ Н. В. Долгорукій, издатель «Сибирскаго Вѣстника» Картамышевъ и нѣсколько студентовъ, изъ которыхъ артисты хотѣли подготовить маленькій хоръ.

При веселомъ и остроумномъ обществѣ время летѣло такъ незамѣтно, что я не замѣтилъ, какъ прошли три дня. Наступилъ вечеръ, когда въ театрѣ былъ назначенъ первый спектакль. Не правда-ли, читатель, — странно взять въ руки афишу въ Томскѣ и прочесть «Фаустъ» — опера Гуно. Когда я вошелъ въ театръ — красивый и огромный, ярко освѣщенный и переполненный публикой, я забылъ, что нахожусь въ Сибири, въ 4000 верстахъ отъ Петербурга.

Спектакль еще не начался и я занялся обзорѣніемъ публики. Въ губернаторской ложѣ я замѣтилъ барона Тобиэна съ семействомъ. Онъ былъ въ камергерскомъ мундирѣ.

Рядомъ ложа занята генераломъ Александровымъ и его семьей. Еще далѣе — мой знакомый N съ дамой — туалетъ которой затмилъ-бы многихъ столичныхъ барынь. Всюду фраки, изящные и богатые туалеты дамъ, нѣсколько мундировъ, наверху масса студенческой молодежи... Положительно я въ Петербургѣ, въ оперѣ или балетѣ...

Рядомъ со мной помѣщались полиціймейстеръ и г. Картамышевъ. Отыскиваю въ толпѣ г. Долгорукаго — онъ одинъ въ пиджакѣ, какъ поэтъ, не признающій стѣсненій свѣта.

Картамышевъ очень веселъ.

— Взгляните: ложа напротивъ губернаторской; какая прелестная головка, и это мой добрый врагъ! говорилъ онъ.

Я взглянулъ по указанному направленію. Я видѣлъ много женщинъ и не могъ бы испытывать чувства юности, встрѣчающагося впервые съ взоромъ красавицы. Но — увы! я какъ Фаустъ, передъ Маргаритой, стоялъ прикованный къ этой ложѣ. Такой идеальной красоты я не встрѣчалъ и въ обильной «грезовскими» головками столицѣ. Съ какой завистью слѣдилъ я, какъ маленькія ручки красавицы аплодировали артистамъ, а ея голубые чудные глаза слѣдили особенно за Валентиномъ, изящнымъ, красивымъ юношей.

Спектакль вообще произвелъ на меня, привыкшаго къ большой оперѣ, благопріятное и цѣльное впечатлѣніе. Акомпаниментъ рояля забывался, купюры были ловко сдѣланы и не портили цѣлости спектакля. Публика была въ восторгѣ, особенно отъ А. Г. Меньшиковой и молодого артиста Мерчельскаго, прекрасно проведшаго сцену смерти.

Благодаря близости къ группѣ этихъ пѣвцовъ, я перезнакомился почти со всѣмъ городомъ, бывавшимъ у нихъ. Почти каждый день гдѣ-либо давали въ честь пріѣзжихъ обѣды. По вечерамъ бывали большія рауты. Осо-

бенной веселостью отличался балъ у поразившей меня красавицы—предсѣдательницы мѣстнаго музыкальнаго общества и замѣчательной пианистки. Вообще двѣ недѣли, проведенныя въ Томскѣ, прошли, какъ сонъ, быстро и весело. Я покидалъ Томскъ съ непремѣннымъ желаніемъ повидаться еще разъ съ его милыми жителями и съ невольною грустью. Спаяу откровенно, что только близость холодовъ, которые наступаютъ въ Сибири уже въ началѣ сентября,—заставила меня поспѣшить возвращеніемъ. Новые друзья провожали меня до парохода и я, перецѣловавшись со всѣми, тронулся въ обратный путь.

Не много я проѣхалъ по Сибири, но по крайней мѣрѣ тѣ мѣста, которыя были посѣщены мною, я старался изучить. Въ бѣгломъ очеркѣ, конечно, я могъ сдѣлать ошибки и опущенія, но да проститъ мнѣ, читатель: *ut desint vires, tamen est laudanda voluntas!*..

Сибирь настолько интересна, настолько еще таинственна, что много годовъ пройдетъ еще, пока она перестанетъ представлять изъ себя для насъ мрачный, ужасный край «ссылки». Я поставилъ себѣ задачей проѣхать и изучить со временемъ всю Сибирь. Быть можетъ, въ восточной ея половинѣ и встрѣтится этотъ «ужасъ» и мракъ, но Западная Сибирь—страна гостеприимная, достаточная и интересная и, право, жить въ центрѣ ея—Томскѣ—вполнѣ возможно для всякаго интеллигентнаго и даже избалованнаго человѣка. Томскій университетъ, привлечшій массу ученыхъ силъ изъ другихъ городовъ Россіи,—быстрыми шагами дѣлаетъ свое дѣло просвѣщенія и облагораживанія города. Вѣдь и у насъ въ Россіи найдутся гдѣ-либо захолустныя мѣстечки, вродѣ Сургута и Нарыма, но полоса, въ которой лежатъ эти мѣстечки, самой природой осуждена на мертвое печальное состояніе. Та же Сибирь, которая лежитъ въ средней, умѣренной полосѣ—имѣетъ великое назначеніе.

Когда проляжетъ желѣзная дорога черезъ Сибирь, исчезнетъ страхъ безпредѣльнаго разстоянія, быть можетъ пугающій многихъ, и естественно избытокъ населенія, рабочихъ рукъ, капиталовъ и товаровъ—все двинется въ Сибирь по гладкому полотну, и заживетъ, закипитъ ея жизнь. А какія минеральныя богатства таятся въ этой дѣвственной почвѣ. Около «гостиницы» на улицѣ стоялъ болѣе сутокъ золотой караванъ, прибывшій изъ Забайкалья. «Золото» возятъ въ обыкновенныхъ повозкахъ—въ деревянныхъ ящикахъ, прикованныхъ цѣпью къ сидѣнью. Въ этомъ караванѣ помѣщалось болѣе 300 пудовъ благороднаго металла. Съ караваномъ слѣдуетъ горный инженеръ, казачій офицеръ и нѣсколько казаковъ амурскаго войска. Въ двухъ повозкахъ помѣщались на скровищѣ—бѣдные переселенцы, возвращавшіеся въ Россію. Любопытное зрѣлище представлялъ этотъ поѣздъ съ движущимся богатствомъ. Въ восточной Сибири золотоносная лихорадка, а здѣсь—извозный промыселъ совсѣмъ отучили крестьянъ заниматься землей. А между тѣмъ неудобряемая, плохо вспаханная земля все-таки родитъ много хлѣба. Надѣловъ здѣсь нѣтъ, пашутъ сколько влѣзетъ! Развѣ это не благодатный край, гдѣ еще борьба за существованіе и конкуренція не дѣлаютъ изъ людей враговъ къ своему ближнему.

Мои воспоминанія о Томскѣ были-бы неполны, если-бъ я умолчалъ о весьма распространенной здѣсь легендѣ. Меня возили за четыре версты отъ города въ пещеру, гдѣ, говорятъ, кончилъ свою жизнь великій человекъ великой эпохи, въ отшельническомъ уединеніи послѣ блеска, пышности и славы. До сихъ-поръ живъ сподвижникъ знаменитаго схимника—старецъ Феодоръ. Но дряхлый старецъ или забылъ, или умышленно ничего не говорить про личность старца Алексея. Разъ въ годъ здѣсь служатъ панихиду, въ день смерти таинственнаго старца, на которую стекаются тысячи народа.

И странно, не вѣрять боишься тайному смыслу этой легенды. Точно тѣнь земнаго ангела парить подъ мрачными сводами кельи и сердцемъ смущенно ощущаешь ее.

Нѣтъ, Сибирь хорошій край и теперь въ стѣнахъ шумной столицы—я съ отраднымъ чувствомъ вспоминаю дикую, привольную природу и милыхъ обитателей ея пустынь.

До скорого свиданья, друзья-сибиряки, не забывайте о взятныхъ, петербургскихъ гостяхъ

Охота военной команды на тигра.

Въ выселкѣ Илійскомъ, въ 72 верстахъ отъ Вѣрнаго, Семирѣченской области, гдѣ расположенъ штабъ 7-го западно-сибирскаго линейнаго батальона, была помѣщена на зимнюю стоянку 2-я рота. Въ окрестностяхъ этого выселка, еще весною минувшаго года, появился огромный тигръ, причинившій много бѣдъ мѣстнымъ казакамъ и киргизамъ ближайшихъ ауловъ. Казаки и киргизы, имѣя дробовики и кремневые ружья, не рѣшались, попятно, на подобную охоту.

Осенью прошлаго года снарядили охотничью команду мѣстнаго батальона, которая, сдѣлавъ рекогносцировку въ окрестностяхъ выселка, на тигра не паткнулась; какъ оказалось впоследствии, звѣрь удалился вверхъ по рѣкѣ Или. О томъ, что тигръ появляется около выселка, доказывало множество его слѣдовъ по разнымъ направленіямъ отъ выселка. Наступившая суровая осень и невозможность находить пищу въ громадныхъ камышахъ, откуда тигръ неожиданно появлялся для охоты на киргизскій скотъ, заставили его врываться даже въ самый выселокъ. Такъ, осенью, онъ забрался на постоянный дворъ и ободралъ лошадь. Казаки говорили: «этотъ тигръ ищетъ смерти», но на опасную охоту все-таки не рѣшались.

25-го января текущаго года, на разсвѣтѣ, киргизъ пасъ стадо на островкѣ рѣчки Клекиленки, притокѣ Или, верстахъ въ 1½ отъ выселка. Тигръ, выйдя изъ камышей, растущихъ обильно на этомъ болотистомъ островкѣ, бросился на одну изъ пасшихся коровъ. Киргизъ, испугавшись неожиданнаго гостя, съ крикомъ пустился бѣжать. Оставивъ истерзанную корову, тигръ прыгнулъ на киргиза и, смявъ его подъ себя, началъ грызть.